

ШКОЛЬНАЯ

БИБЛИОТЕКА

рассказы **Юианки**

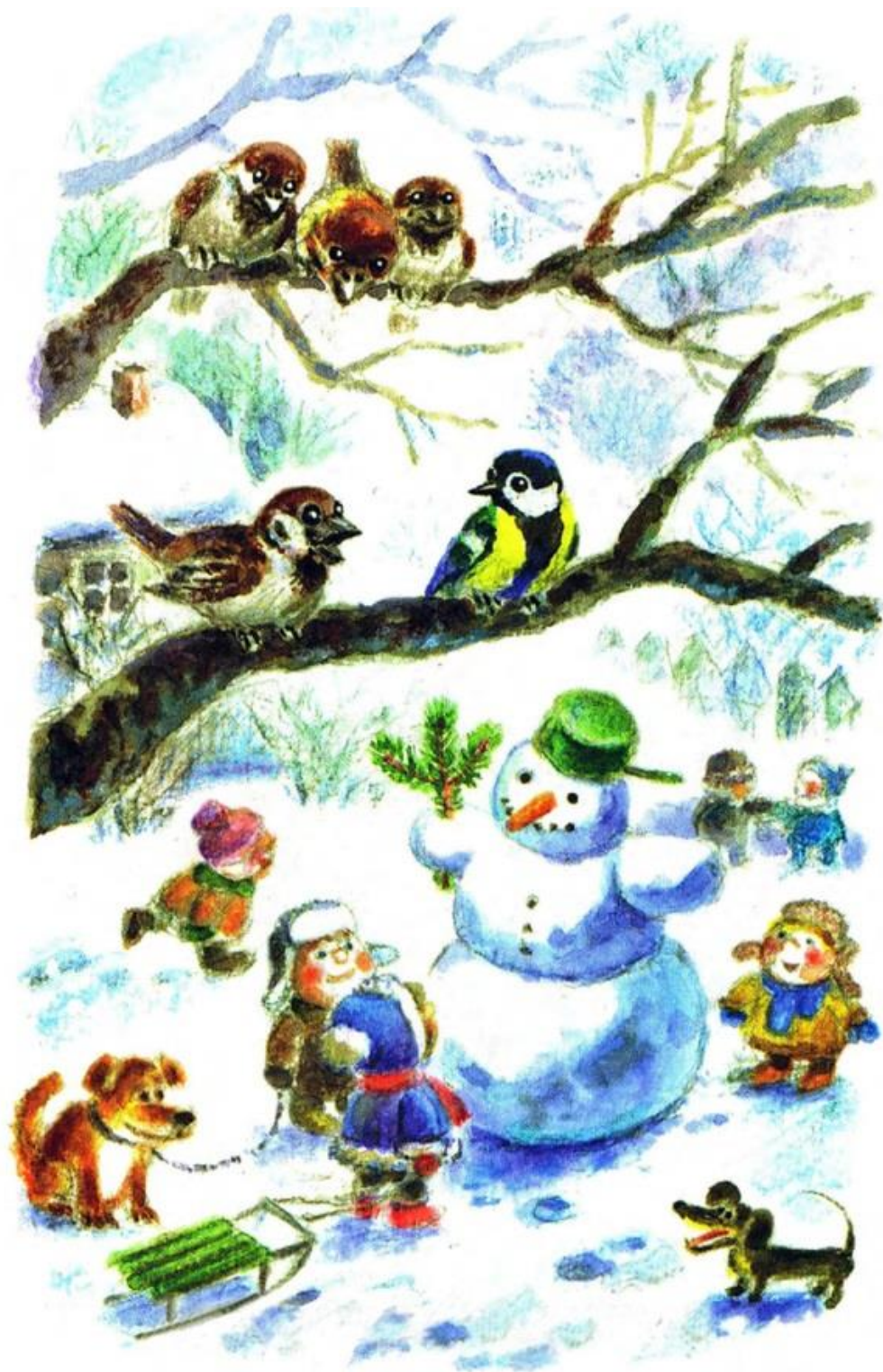
ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Виталий Бианки

Рассказы и сказки

Художник
Эдуард Назаров

СИНИЧКИН КАЛЕНДАРЬ

ЯНВАРЬ

Зинька была молодая Синичка, и своего гнезда у неё не было. Целый день она перелетала с места на место, прыгала по заборам, по ветвям, по крышам, – синицы народ бойкий. А к вечеру присмотрит себе пустое дупло или щёлку какую под крышей, забьётся туда, распушит попышней свои пёрышки, – кое-как и переспит ночку.

Но раз – среди зимы – посчастливилось ей найти свободное воробьиное гнездо. Помещалось оно над окном за оконницей. Внутри была целая перина мягкого пуха.

И в первый раз, как вылетела из родного гнезда, Зинька заснула в тепле и покое.

Вдруг ночью её разбудил сильный шум. Шумели в доме, из окна бил яркий свет.

Синичка испугалась, выскочила из гнезда и, уцепившись коготками за раму, заглянула в окно.

Там, в комнате, стояла большая – под самый потолок – ёлка, вся в огнях и в снегу, и в игрушках. Вокруг неё прыгали и кричали дети.

Зинька никогда раньше не видела, чтобы люди так вели себя по ночам. Ведь она родилась только прошлым летом и многого ещё на свете не знала.

Заснула она далеко за полночь, когда люди в доме, наконец, успокоились и в окне погас свет.

А утром Зиньку разбудил весёлый, громкий крик воробьёв. Она вылетела из гнезда и спросила их:

– Вы что, воробьи, раскричались? И люди сегодня всю ночь шумели, спать не давали. Что такое случилось?

– Как? – удивились воробьи. – Разве ты не знаешь, какой сегодня день? Ведь сегодня Новый год, вот все и радуются – и люди и мы.

– Как это – Новый год? – не поняла Синичка.

– Ах ты желторотая! – зачирикали воробьи. – Да ведь это самый большой праздник в году! Солнце возвращается к нам и начинает свой календарь. Сегодня первый день января.

– А что это – «январь», «календарь»?

– Фу, какая ты ещё маленькая! – возмутились воробьи. – Календарь – это расписание работы солнышка на весь год. Год состоит из месяцев, и январь – его первый месяц, носик года. За ним идут ещё десять месяцев – столько, сколько у тебя пальцев на лапках: февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь. А самый последний месяц, двенадцатый, хвостик года – декабрь. Запомнила?

– Не-ет, – сказала Синичка. – Где же сразу столько запомнить! «Носик», «десять пальцев» и «хвостик» запомнила. А называются они все уж больно мудроно.

– Слушай меня, – сказал тогда Старый Воробей. – Ты летай себе по садам, полям и лесам, летай да присматривайся, что кругом делается. А как услышишь, что месяц кончается, прилетай ко мне. Я тут живу, на этом доме под крышей. Я буду тебе говорить, как каждый месяц называется. Ты все их по очереди и запомнишь.

– Вот спасибо! – обрадовалась Зинька. – Непременно буду прилетать к тебе каждый месяц. До свиданья!

И она полетела – и летала целых тридцать дней, а на тридцать первый вернулась и рассказала Старому Воробью всё, что заметила. И Старый Воробей сказал ей:

– Ну вот, запомни: январь – первый месяц года – начинается с весёлой ёлки у ребят. Солнце с каждым днём по-

немножечку начинает вставать раньше и ложиться позже. Свету день ото дня прибывает, а мороз всё крепчает. Небо всё в тучах. А когда проглянет солнышко, тебе, Синичке, хо-

чется петь. И ты тихонько пробуешь голос: «Зинь-зинь-тю! Зинь-зинь-тю!»

ФЕВРАЛЬ

Опять выглянуло солнышко, да такое весёлое, яркое! Оно даже пригрело немножко, с крыш повисли сосульки, и по ним заструилась вода.

«Вот и весна начинается», – решила Зинька. Обрадовалась и запела звонко:

– Зинь-зинь-тан! Зинь-зинь-тан! Скинь кафтан!

– Рано, пташечка, запела, – сказал ей Старый Воробей. – Смотри ещё, сколько морозу будет. Ещё наплачемся.

– Ну да! – не поверила Синичка. – Полечу-ка нынче в лес, узнаю, какие там новости.

И полетела.

В лесу ей очень понравилось: такое множество деревьев! Ничего, что все ветки залеплены снегом, а на широких лапах ёлок навалены целые сугробики. Это даже очень красиво. А прыгнешь на ветку – снег так и сыплется и сверкает разноцветными искрами.

Зинька прыгала по веткам, стряхивала с них снег и осматривала кору. Глазок у неё острый, бойкий – ни одной трещинки не пропустит. Зинька тюк острым носиком в трещинку, раздолбит дырочку пошире – и тащит из-под коры какого-нибудь насекомыша-букарашку.

Много насекомышей набивается на зиму под кору – от холода. Вытащит и съест. Так кормится. А сама примечает, что кругом.

Смотрит: Лесная Мышь из-под снега выскочила. Дрожит, вся взъерошилась.

– Ты чего? – Зинька спрашивает.

– Фу, напугалась! – говорит Лесная Мышь.

Отдышалась и рассказывает:

– Бегала я в куче хвороста под снегом, да вдруг и про-

валилась в глубокую яму. А это, оказывается, Медведица на берлоге. Лежит в ней Медведица, и два махоньких новорождённых медвежонка у неё. Хорошо, что они крепко спали, меня не заметили.

Полетела Зинька дальше в лес. Дятла встретила, Красношляпочника. Подружилась с ним. Он своим крепким гранёным носом большие куски коры ломает, жирных личинок достаёт. Синичке за ним тоже кое-что перепадает.

Летает Зинька за дятлом, весёлым колокольчиком звенит по лесу:

– Каждый день всё светлей, веселей, веселей!

Вдруг зашипело вокруг, побежала по лесу позёмка, загудел лес, и стало в нём темно, как вечером. Откуда ни возьмись, налетел ветер, деревья закачались, полетели сугробики с еловых лап, снег посыпал, завился – началась пурга. Зинька присмирела, сжалась в комочек, а ветер так и рвёт её с ветки, перья ерошит и леденит под ними тельце.

Хорошо, что Дятел пустил её в своё запасное дупло, а то пропала бы Синичка.

День и ночь бушевала пурга, а когда улеглась и Зинька выглянула из дупла, она не узнала леса: так он весь был залеплен снегом. Голодные волки промелькнули между деревьями, увязая по брюхо в рыхлом снегу. Внизу под деревьями валялись обломанные ветром сучья, чёрные, с содранной корой.

Зинька слетела на один из них – поискать под корой насекомышей.

Вдруг из-под снега – зверь! Выпрыгнул и сел. Сам весь белый, уши с чёрными точками держит торчком. Сидит столбиком, глаза на Зиньку выпучил.

У Зиньки от страха и крылышки отнялись.

– Ты кто? – пискнула.

– Я беляк. Заяц я. А ты кто?

– Ах, заяц! – обрадовалась Зинька. – Тогда я тебя не боюсь. Я Синичка.

Она хоть раньше зайцев в глаза не видала, но слышала, что они птиц не едят и сами всех боятся.

– Ты тут и живёшь, на земле? – спросила Зинька.

– Тут и живу.

– Да ведь тебя тут совсем занесёт снегом!

– А я и рад. Пурга все следы замела и меня занесла – вот волки рядом пробежали, а меня и не нашли.

Подружилась Зинька и с Зайцем.

Так и прожила в лесу целый месяц, и всё было: то снег, то пурга, а то и солнышко выглянет, – денёк простоит погожий, но всё равно холодно.

Прилетела к Старому Воробью, рассказала ему всё, что заметила, он и говорит:

– Запоминай: вьюги да метели под февраль полетели. В феврале лютуют волки, а у Медведицы в берлоге медвежатки родятся. Солнышко веселей светит и дольше, а морозы ещё крепкие. А теперь лети в поле.

МАРТ

Полетела Зинька в поле. Синичке ведь где хочешь жить можно: были бы хоть кустики, а уж она себя прокормит.

В поле, в кустах, жили серые куропатки – красивые такие полевые курочки с шоколадной подковкой на груди. Целая стая их тут жила, зёрна из-под снега выкапывала.

– А где же тут спать? – спросила у них Зинька.

– А ты делай, как мы, – говорят куропатки. – Вот гляди.

Поднялись все на крылья, разлетелись пошибче – да бух с разлёту в снег!

Снег сыпучий – обсыпался и прикрыл их. И сверху никто не увидит, и тепло им там, на земле, под снегом.

«Ну нет, – думает Зинька, – синички так не умеют. Поищу себе получше ночлега».

Нашла в кустах кем-то брошенную плетёную корзиночку, забралась в неё да и заснула там.

И хорошо, что так сделала.

День-то простоял солнечный. Снег наверху подтаял, рыхлый стал, а ночью мороз ударил.

Утром проснулась Зинька, глядит, – где же куропатки? Нигде их не видно. А там, где они вечером в снег нырнули, наст блестит – ледяная корка.

Поняла Зинька, в какую беду попали куропатки: сидят теперь, как в тюрьме, под ледяной крышей, и выйти не могут. Пропадут там под ней все до одной! Что тут делать? Да ведь синички – боевой народ.

Зинька слетела на наст – и давай долбить его крепким своим, острым носиком. И продолбила – большую дырку сделала. И выпустила куропаток из тюрьмы. Вот уж они её хвалили, благодарили!

Натаסקали ей зёрен, семечек разных.

– Живи с нами, никуда не улетай!

Она и жила. А солнце день ото дня ярче, день ото дня жарче. Тает, тает в поле снег. И уж так его мало осталось, что больше не ночевать в нём куропаткам: мелок стал. Перебрались куропатки в кустарник спать, под Зинькиной корзинкой.

И вот, наконец, в поле на пригорках показалась земля. И как же все ей обрадовались!

Тут не прошло и трёх дней – откуда ни возьмись, уж сидят на проталинах чёрные, с белыми носами грачи. Здравствуйте! С прибытием!

Ходят важные, тугим пером поблёскивают, носами землю ковыряют: червяков да личинок из неё потаскивают.

А скоро за ними и жаворонки и скворцы прилетели, песнями залились.

Зинька с радости звенит-захлёбывается:

– Зинь-зинь-на! Зинь-зинь-на! К нам весна! К нам весна! К нам весна!

Так с этой песенкой и прилетела к Старому Воробью. И он ей сказал:

– Да. Это месяц март. Прилетели грачи, – значит, правда весна началась. Весна начинается в поле. Теперь лети на реку.

АПРЕЛЬ

Полетела Зинька на реку.

Летит над полем, летит над лугом, слышит: всюду ручьи поют.

Поют ручьи, бегут ручьи – все к реке собираются.

Прилетела на реку, а река страшная: лёд на ней поси-
нел, у берегов вода выступает.

Видит Зинька: что ни день, то больше ручьёв бежит к реке.

Проберётся ручей по овражку незаметно под снегом и с берега – прыг в реку. И скоро многое множество ручьёв, ручейков и ручьишек набилось в реку – под лёд попрятались.

Тут прилетела тоненькая чёрно-белая птичка, бегаёт по берегу, длинным хвостиком покачивает, пищит:

– Пи-лик! Пи-лик!

– Ты что пищишь? – спрашивает Зинька. – Что хвостиком размахиваешь?

– Пи-лик! – отвечает тоненькая птичка. – Разве ты не знаешь, как меня зовут? Ледоломка. Вот сейчас раскатаю хвост да как тресну им по льду, так лёд и лопнет, и река пойдёт.

– Ну да! – не поверила Зинька. – Хвастаешь.

– Ах, так! – говорит тоненькая птичка. – Пи-лик!

И давай ещё пуще хвостик раскачивать.

Тут вдруг как бухнет где-то вверху по реке, будто из пушки! Ледоломка порх – и с перепугу так крылышками замахала, что в одну минуту из глаз пропала.

И видит Зинька: треснул лёд, как стекло. Это ручьи – все, что набежали в реку, – как понатужились, нажали снизу – лёд и лопнул. Лопнул и распался на льдины, большие и малые.

Река пошла. Пошла и пошла – и уж никому её не остановить. Закачались на ней льдины, поплыли, бегут, друг друга кружат, а тех, что сбоку, на берег выталкивают.

Тут сейчас же и всякая водяная птица налетела, точно где-то здесь, рядом, за углом ждала: утки, чайки, кулики-долгоножки. И глядь, Ледоломка вернулась, по берегу ножонками семенит, хвостом качает.

Все пищат, кричат, веселятся. Кто рыбку ловит, ныряет за ней в воду, кто носом в тину тыкает, ищет там что-то, кто мушек над берегом ловит.

– Зинь-зинь-хо! Зинь-зинь-хо! Ледоход, ледоход! – запела Зинька.

И полетела рассказать Старому Воробью, что видела на реке.

И Старый Воробей сказал ей:

– Вот видишь: сперва весна приходит в поле, а потом на реку. Запомни: месяц, в который у нас реки освобождаются ото льда, называется апрель. А теперь лети-ка опять в лес: увидишь, что там будет.

И Зинька скорей полетела в лес.

В лесу ещё было полно снега. Он спрятался под кустами и деревьями, и солнцу трудно было достать его там. В поле давно уже зеленела посеянная с осени рожь, а лес всё ещё стоял голый.

Но уж было в нём весело, не то что зимой. Налетело много разных птиц, и все они порхали между деревьями, прыгали по земле и пели, – пели на ветвях, на макушках деревьев и в воздухе.

Солнце теперь вставало очень рано, ложилось поздно и так усердно светило всем на земле и так грело, что жить стало легко. Синичке больше не надо было заботиться о ночлеге: найдёт свободное дупло – хорошо, не найдёт – и так переночует где-нибудь на ветке или в чаще.

И вот раз вечером ей показалось, будто лес в тумане. Лёгкий зеленоватый туман окутал все берёзы, осины, ольхи. А когда на следующий день над лесом поднялось солнце, на каждой берёзе, на всякой веточке показались точно маленькие зелёные пальчики: это стали распускаться листья.

Тут и начался лесной праздник.

Засвистал, защёлкал в кустах Соловей.

В каждой луже урчали и квакали лягушки.

Цвели деревья и ландыши. Майские жуки с гуденьем носились между ветвями. Бабочки порхали с цветка на цветок. Звонко куковала Кукушка.

Друг Зиньки – Дятел-Красношапочник – и тот не тужил, что не умеет петь: отыщет сучок посуше и так лихо барабанит по нему носом, что по всему лесу слышна звонкая барабанная дробь.

А дикие голуби поднимались высоко над лесом и проделывали в воздухе головокружительные фокусы и мёртвые петли. Каждый веселился на свой лад, кто как умел.

Зиньке всё было любопытно. Зинька всюду поспевала и радовалась вместе со всеми.

По утрам на заре слышала Зинька чьи-то громогласные крики, будто в трубы кто-то трубил где-то за лесом.

Полетела она в ту сторону и вот видит: болото, мох да мох, и сосенки на нём растут. И ходят на болоте такие большие птицы, каких никогда ещё Зинька не видела, — прямо с баранов ростом, и шеи у них долгие-долгие.

Вдруг подняли они свои шеи-трубы да как затрубят, как загремят:

– Тррру-рр-у! Тррру-рру!

Совсем оглушили Синичку.

Потом один растопырил крылья и пушистый свой хвост, поклонился до земли соседям да вдруг и пошёл в пляс: засеменял, засеменял ногами и пошёл по кругу, всё по кругу, то одну ногу выкинет, то другую, то поклонится, то подпрыгнет, то вприсядку пойдёт — умора! А другие на него смотрят, собрались кругом, крыльями враз хлопают.

Не у кого было Зиньке спросить в лесу, что это за птицы-великаны, и полетела она в город к Старому Воробью.

И Старый Воробей сказал ей:

– Это журавли: птицы серьёзные, почтенные, а сейчас, видишь, что выделывают.

Потому это, что пришёл весёлый месяц май, и лес оделся, и все цветы цветут, и все пташки поют. Солнце теперь всех обогрело и светлую всем радость дало.

ИЮНЬ

Решила Зинька:

«Полечу-ка я нынче по всем местам: и в лес, и в поле, и на реку... Всё осмотрю».

Первым делом наведальась к старому другу своему — Дятлу-Красношапочнику. А он как увидел её издали, так и закричал:

– Кик! Кик! Прочь, прочь! Тут мои владения!

Очень удивилась Зинька. И крепко на Дятла обиделась: вот тебе и друг!

Вспомнила о полевых куропатках, серых, с шоколадной подковкой на груди. Прилетела к ним в поле, ищет куропаток – нет их на старом месте! А ведь целая стая была. Куда все подевались?

Летала-летала по полю, искала-искала, насилу одного петушка нашла: сидит во ржи, – а рожь уж высокая, – кричит:

– Чир-вик! Чир-вик!

Зинька к нему. А он ей:

– Чир-вик! Чир-вик! Чичире! Пошла, пошла отсюда!

– Как так! – рассердилась Синичка. – Давно ли я всех вас от смерти спасла – из ледяной тюрьмы выпустила, а теперь ты меня и близко к себе не пускаешь?

– Чир-вир! – смутился куропачий петушок. – Правда, от смерти спасла. Мы это все помним. А всё-таки лети ты от меня подальше: теперь время другое, мне вот как драться хочется!

Хорошо, у птиц слёз нет, а то, наверно, заплакала бы Зинька: уж так ей обидно, так горько стало!

Повернулась молча, полетела на реку.

Летит над кустами, – вдруг из кустов серый зверь!

Зинька так и шарахнулась в сторону.

– Не узнала? – смеётся зверь. – Ведь мы с тобой старые друзья.

– А ты кто? – спрашивает Зинька.

– Заяц я. Беляк.

– Какой же ты беляк, когда ты серый? Я помню беляка: он весь белый, только на ушках чёрное.

– Это я зимой белый: чтобы на снегу меня видно не было. А летом я серый.

Ну и разговорились. Ничего, с ним не ссорились. А потом Старый Воробей и объяснил Зиньке:

– Это месяц июнь – начало лета. У всех нас, у птиц, в это время – гнёзда, а в гнёздах – драгоценные яички и птенчики. К своим гнёздам мы никого не подпускаем – ни врага, ни друга: и друг может нечаянно разбить яичко. У зверей тоже детёныши, звери тоже никого к своей норе не подпустят. Один заяц без забот: растерял своих детишек по всему лесу и думать о них забыл. Да ведь зайчаткам мать-зайчиха нужна только в первые дни: попьют они материнское молочко несколько дней, а потом сами травку зубрят.

Теперь, – прибавил Старый Воробей, – солнце в самой силе, и самый длинный у него трудовой день. Теперь на земле все найдут, чем набить своим малышам животики.

ИЮЛЬ

– С новогодней ёлки, – сказал Старый Воробей, – прошло уже шесть месяцев, ровно полгода. Запомни, что второе полугодие начинается в самый разгар лета. А пошёл теперь месяц июль. А это самый хороший месяц и для птенцов, и для зверят, потому что кругом всего очень много: и солнечного света, тепла, и разной вкусной еды.

– Спасибо, – сказала Зинька.

И полетела.

«Пора мне остепениться, – подумала она. – Дупел в лесу много. Займу, какое мне понравится свободное, и живу в нём своим домиком!»

Задумать-то задумала, да не так просто оказалось это сделать.

Все дупла в лесу заняты. Во всех гнёздах птенцы. У кого ещё крохотки, голенькие, у кого в пушку, а у кого и в пёрышках, да всё равно желторотые, целый день пищат, есть просят.

Родители хлопчут, взад-вперёд летают, ловят мух, комаров, ловят бабочек, собирают гусениц-червячков, а сами не едят: всё птенцам носят. И ничего: не жалуются, ещё и песни поют.

Скучно Зиньке одной.

«Дай, – думает, – я помогу кому-нибудь птенчиков покормить. Мне спасибо скажут».

Нашла на ели бабочку, схватила в клюв, ищет, кому бы дать.

Слышит, – на дубу пищат маленькие щеглята, там их гнездо на ветке.

Зинька скорей туда – и сунула бабочку одному щеглёнку в разинутый рот.

Щеглёнок глотнул, а бабочка не лезет: велика больно. Глупый птеник старается, давится – ничего не выходит.

И стал уж задыхаться. Зинька с испугу кричит, не знает, что делать.

Тут Щеглиха прилетела. Сейчас – раз! – ухватила бабочку, вытащила у щеглёнка из горла и прочь бросила. А Зиньке говорит:

– Марш отсюда! Ты чуть моего птенчика не погубила. Разве можно давать маленькому целую бабочку? Даже крылья ей не оторвала!

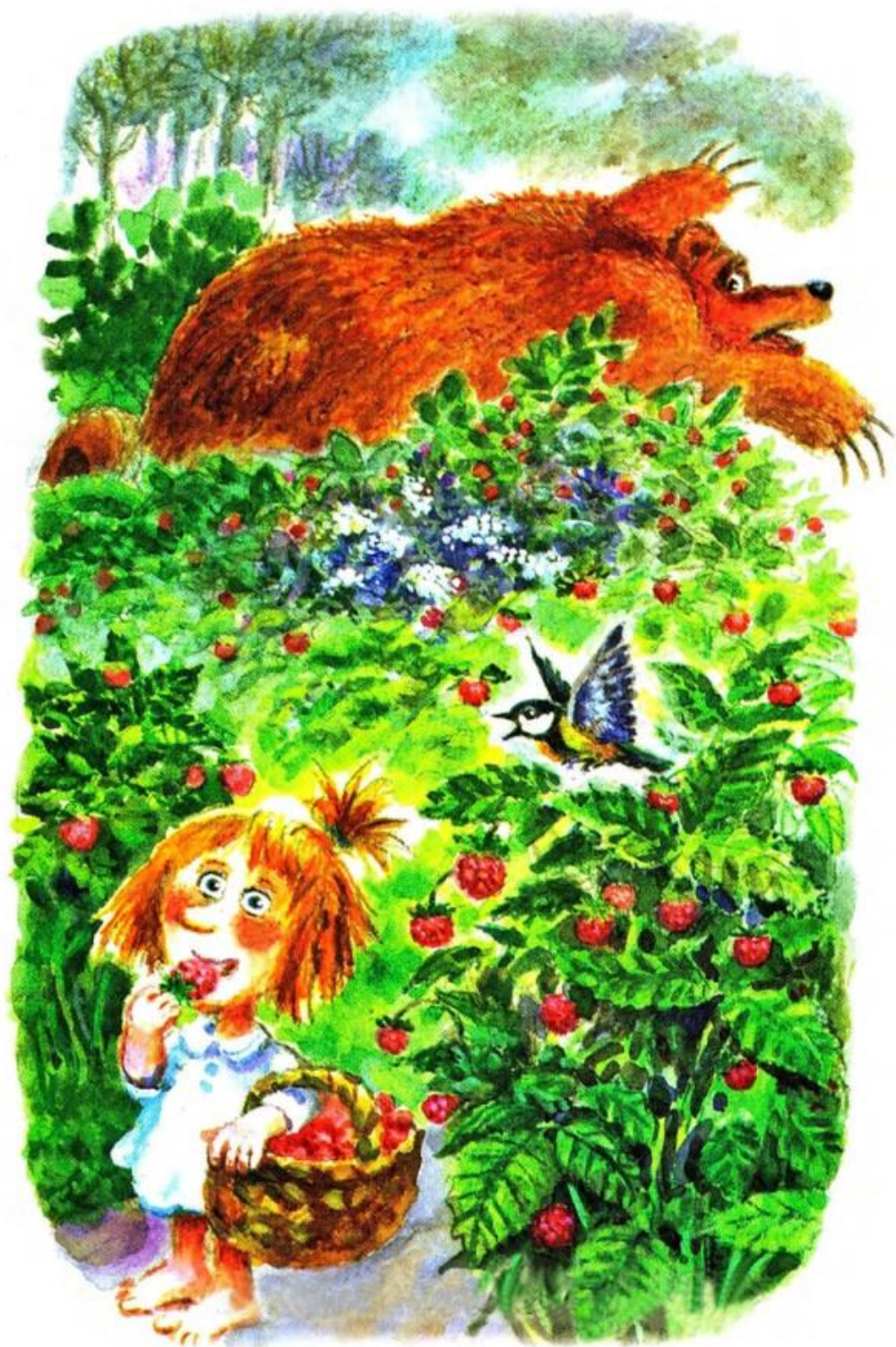
Зинька кинулась в чащу, там спряталась: и стыдно ей и обидно.

Потом много дней по лесу летала, – нет, никто её в компанию к себе не принимает!

А что ни день, то больше в лес приходит ребят. Все с корзиночками, весёлые; идут – песни поют, а потом разойдутся и ягоды собирают: и в рот и в корзиночки. Уже малина поспела.

Зинька всё около них вертится, с ветки на ветку перелетает, и веселей Синичке с ребятами, хоть она их языка не понимает, а они – её.

И случилось раз: одна маленькая девочка забралась в малинник, идёт тихонько, ягоды берёт.

А Зинька над нею по деревьям порхает. И вдруг видит: большой страшный медведь в малиннике.

Девочка как раз к нему подходит – его не видит.

И он её не видит: тоже ягоды собирает. Нагнёт лапой куст – и себе в рот.

«Вот сейчас, – думает Зинька, – наткнётся на него девочка, – страшилище это её и съест! Спасти, спасти её надо!»

И закричала с дерева по-своему, по-синичьему:

– Зинь-зинь-вень! Девочка, девочка! Тут медведь. Убегай!

Девочка и внимания на неё не обратила: ни слова не поняла.

А медведь-страшилище понял; разом поднялся на дыбы, оглядывается: где девочка?

«Ну, – решила Зинька, – пропала маленькая!»

А медведь увидел девочку, опустился на все четыре лапы – да как кинется от неё наутёк через кусты!

Вот удивилась Зинька:

«Хотела девочку от медведя спасти, а спасла медведя от девочки! Такое страшилище, а маленького человечка боится!»

С тех пор, встречая ребят в лесу. Синичка пела им звонкую песенку:

– Зинь-зинь-ле! Зинь-зинь-ле!

Кто пораньше встаёт,
Тот грибы себе берёт,
А сонливый да ленивый
Идут после за крапивой.

Эта маленькая девочка, от которой убежал медведь, всегда приходила в лес первая и уходила из лесу с полной корзинкой.

– После июля, – сказал Старый Воробей, – идёт август.
– Третий – и, заметь себе это, – последний месяц лета.

– Август, – повторила Зинька.

И принялась думать, что ей в этом месяце делать.

Ну, да ведь она была Синичка, а синички долго на одном месте усидеть не могут. Им бы всё порхать да скакать, по веткам лазать то вверх, то вниз головой. Много так не надумаешь.

Пожила немножко в городе – скучно. И сама не заметила, как опять очутилась в лесу.

Очутилась в лесу и удивляется: что там со всеми птицами сделалось?

Только что все гнали её, близко к себе и к своим птенцам не подпускали, а теперь только и слышит: «Зинька, лети к нам!», «Зинька, сюда!», «Зинька, полетай с нами!», «Зинька, Зинька, Зинька!»

Смотрит – все гнёзда пустые, все дупла свободные, все птенцы выросли и летать научились. Дети и родители все вместе живут, так выводками и летают, а уж на месте никто не сидит, и гнёзда им больше не нужны. И гостье все рады: веселей в компании-то кочевать.

Зинька то к одним пристанет, то к другим; один день с хохлатыми синичками проведёт, другой – с гаечками-пухлячками. Беззаботно живёт: тепло, светло, еды сколько хочешь.

И вот удивилась Зинька, когда Белку встретила и разговорилась с ней.

Смотрит – Белка с дерева на землю спустилась и что-то ищет там в траве. Нашла гриб, схватила его в зубы – и марш с ним назад на дерево. Нашла там сучочек острый, ткнула на него гриб, а есть не ест его: поскакала дальше и опять на землю – грибы искать.

Зинька подлетела к ней и спрашивает:

– Что ты, Белочка, делаешь? Зачем не ешь грибы, а на сучки их накалываешь?

– Как зачем? – отвечает Белка. – Впрок собираю, сушу в запас. Зима придёт – пропадёшь без запаса.

Стала тут Зинька примечать: не только белки – многие зверюшки запасы себе собирают. Мышки полёвки, хомяки с поля зёрна за щеками таскают в свои норки, набивают там свои кладовочки.

Начала и Зинька кое-что припрятывать на чёрный день; найдёт вкусные семечки, поклюёт их, а что лишнее – сунет куда-нибудь в кору, в щёлочку.

Соловей это увидел и смеётся:

– Ты что же, Синичка, на всю долгую зиму хочешь запасы сделать? Этак тебе тоже нору копать впору.

Зинька смутилась.

– А ты как же, – спрашивает, – зимой думаешь?

– Фьють! – свистнул Соловей, – Придёт осень – я отсюда улечу. Далеко-далеко улечу, туда, где и зимой тепло и розы цветут. Там сытно, как здесь летом.

– Да ведь ты Соловей, – говорит Зинька, – тебе что: сегодня здесь спел, а завтра – там. А я Синичка. Я где родилась, там всю жизнь и проживу.

А про себя подумала:

«Пора, пора мне о своём домике подумать! Вот уж и люди в поле вышли – убирают хлеб, увозят с поля. Кончается лето, кончается...»

СЕНТЯБРЬ

– А теперь какой месяц будет? – спросила Зинька у Старого Воробья.

– Теперь будет сентябрь, – сказал Старый Воробей. – Первый месяц осени.

И правда: уже не так стало жечь солнце, дни стали заметно короче, ночи – длиннее, и всё чаще стали лить дожди.

Первым делом осень пришла в поле. Зинька видела, как день за днём люди свозили хлеб с поля в деревню, из деревни – в город.

Скоро совсем опустело поле, и ветер гулял в нём на просторе. Потом раз вечером ветер улёгся, тучи разошлись с неба. Утром Зинька не узнала поля: всё оно было в серебре, и тонкие-тонкие серебряные ниточки плыли над ним по воздуху. Одна такая ниточка, с крошечным шариком на конце, опустилась на куст рядом с Зинькой. Шарик оказался паучком, и Синичка, недолго думая, клюнула его и проглотила. Очень вкусно! Только нос весь в паутине.

А серебряные нити-паутинки тихонько плыли над полем, опускались на жнитво, на кусты, на лес: молодые паучки рассеялись так по всей земле.

Покинув свою летательную паутинку, паучки отыскивали себе щёлочку в коре или норку в земле и прятались в неё до весны. В лесу уже начал желтеть, краснеть, буреть лист. Уже птичьи семьи-выводки собирались в стайки, стайки – в стаи. Кочевали всё шире по лесу: готовились в отлёт.

То и дело откуда-то неожиданно появлялись стаи совсем незнакомых Зиньке птиц – долгоносых пёстрых куликов, невиданных уток. Они останавливались на речке, на болотах; день покормятся, отдохнут, а ночью летят дальше – в ту сторону, где солнце бывает в полдень. Это пролетали с далёкого севера стаи болотных и водяных птиц.

Раз Зинька повстречала в кустах среди поля весёлую стайку таких же, как она сама, синиц: белощёкие, с жёлтой грудкой и длинным чёрным галстуком до самого хвостика. Стайка перелетела полем из леска в лесок.

Не успела Зинька познакомиться с ними, как из-под ку-

стов с шумом и криком взлетел большой выводок полевых куропаток. Раздался короткий страшный гром – и Синичка, сидевшая рядом с Зинькой, не пискнув, свалилась на землю. А дальше две куропатки, перевернувшись в воздухе через голову, замертво ударились о землю.

Зинька до того перепугалась, что осталась сидеть, где сидела, ни жива ни мертва.

Когда она пришла в себя, около неё никого не было – ни куропаток, ни синиц.

Подошёл бородатый человек с ружьём, поднял двух убитых куропаток и громко крикнул:

– Ау! Манюня!

С опушки леса ответил ему тоненький голосок, и скоро к бородатому подбежала маленькая девочка.

Зинька узнала её: та самая, что напугала в малиннике медведя. Сейчас у неё была в руках полная корзинка грибов.

Пробегая мимо куста, она увидела на земле упавшую с ветки Синичку, остановилась, наклонилась, взяла её в руки.

Зинька сидела в кусту не шевелясь.

Девочка что-то сказала отцу, отец дал ей фляжку, и Манюня sprыснула из неё водой Синичку. Синичка открыла глаза, вдруг вспорхнула – и забилась в куст рядом с Зинькой.

ОКТАБРЬ

Манюня весело засмеялась и вприпрыжку побежала за уходившим отцом.

– Скорей, скорей! – торопила Зинька Старого Воробья. – Скажи мне, какой наступает месяц, и я полечу назад в лес: там у меня больной товарищ.

И она рассказала Старому Воробью, как бородатый охотник сшиб с ветки сидевшую рядом с ней Синичку, а девочка Манюня sprysнула водой и оживила её.

Узнав, что новый месяц, второй месяц осени, называется октябрь, Зинька живо вернулась в лес.

Её товарища звали Зинзивер. После удара дробинкой крылышки и лапки ещё плохо повиновались ему. Он с трудом долетел до опушки. Тут Зинька отыскала ему хорошенькое дуплишко и стала таскать туда для него червячков-гусениц, как для маленького. А он был совсем не маленький: ему было уже два года, и, значит, он был на целый год старше Зиньки.

Через несколько дней он совсем поправился. Стайка, с которой он летал, куда-то исчезла, и Зинзивер остался жить с Зинькой. Они очень подружились.

А осень пришла уже и в лес. Сперва, когда все листья раскрасились в яркие цвета, он был очень красив. Потом подули сердитые ветры. Они сдирали жёлтые, красные, бурые листья с веток, носили их по воздуху и швыряли на землю.

Скоро лес поредел, ветки обнажились, а земля под ними покрылась разноцветными листьями.

Пролетели с далёкого севера, из тундр, последние стаи болотных птиц. Теперь каждый день прибывали новые гости из северных лесов: там уже начиналась зима.

Не всё и в октябре дули сердитые ветры, не всё лили дожди: выдавались и погожие, сухие и ясные дни. Нежаркое солнышко светило приветливо, прощаясь с засыпающим лесом. Потемневшие на земле листья тогда высыхали, становились жёсткими и хрупкими. Ещё кое-где из-под них выглядывали грибы – грузди, маслята.

Но хорошую девочку Манюню Зинька и Зинзивер больше уж не встречали в лесу.

Синички любили спускаться на землю, прыгать по листьям – искать улиток на грибах.

Раз они подскочили так к маленькому грибу, который рос между корнями белого берёзового пня. Вдруг по другую сторону пня выскочил серый, с белыми пятнами зверь.

Зинька пустилась было наутёк, а Зинзивер рассердился и крикнул:

– Пинь-пинь-черр! Ты кто такой?

Он был очень храбрый и улетал от врага, только когда враг на него кидался.

– Фу! – сказал серый пятнистый зверь, кося глазами и весь дрожа. – Как вы с Зинькой меня напугали! Нельзя же так топать по сухим, хрустким листьям! Я думал, что Лиса бежит или Волк. Я же Заяц, беляк я.

– Неправда! – крикнула ему с дерева Зинька. – Беляк летом серый, зимой белый, я знаю. А ты какой-то полубелый.

– Так ведь сейчас ни лето, ни зима. И я ни серый, ни белый. – И Заяц захныкал: – Вот сижу у берёзового пенька, дрожу, шевельнуться боюсь: снегу ещё нет, а у меня уж клочья белой шерсти лезут. Земля чёрная. Побегу по ней днём – сейчас меня все увидят. И так ужасно хрустят сухие листья! Как тихонько ни крадись, прямо гром из-под ног.

– Видишь, какой он трус, – сказал Зинзивер Зиньке. – А ты его испугалась. Он нам не враг.

НОЯБРЬ

Враг – и страшный враг – появился в лесу в следующем месяце. Старый Воробей назвал этот месяц ноябрём и сказал, что это третий, и последний, месяц осени.

Враг был очень страшный, потому что он был невидимка. В лесу стали пропадать и маленькие птички и большие, и мыши, и зайцы. Только зазевается зверёк, только отстанет от стаи птица – всё равно, ночью, днём ли, – глядь, их уж и в живых нет.

Никто не знал, кто этот таинственный разбойник: зверь ли, птица, или человек? Но все боялись его, и у всех лесных зверей и птиц только и было разговору, что о нём. Все ждали первого снега, чтобы по следам около растерзанной жертвы опознать убийцу.

Первый снег выпал однажды вечером. А на утро следующего дня в лесу недосчитались одного Зайчонка.

Нашли его лапку. Тут же, на подтаявшем уже снегу, были следы больших, страшных когтей. Это могли быть когти зверя, могли быть когти и крупной хищной птицы. А больше ничего не оставил убийца: ни пера, ни шерстинки своей.

– Я боюсь, – сказала Зинька Зинзиверу. – Ох, как я боюсь! Давай улетим скорей из лесу, от этого ужасного разбойника-невидимки.

Они полетели на реку. Там были старые дуплистые ивы-ракиты, где они могли найти себе приют.

– Знаешь, – говорила Зинька, – тут место открытое. Если и сюда придёт страшный разбойник, он тут не может подкрасться так незаметно, как в тёмном лесу. Мы его увидим издали и спрячемся от него.

И они поселились за речкой.

Осень пришла уже и на реку. Ивы-ракиты облетели, трава побурела и поникла. Снег выпадал и таял. Речка ещё бежала, но по утрам на ней был ледок. И с каждым морозцем он рос.

Не было по берегам и куликов. Оставались ещё только утки. Они кричали, что останутся тут на всю зиму, если река вся не покроется льдом. А снег падал и падал – и больше уж не таял.

Только было синички зажили спокойно, вдруг опять тревога: ночью неизвестно куда исчезла утка, спавшая на том берегу, – на краю своей стаи.

– Это он, – говорила, дрожа, Зинька. – Это невидимка. Он всюду: и в лесу, и в поле, и здесь, на реке.

– Невидимок не бывает, – говорил Зинзивер. – Я выслежу его, вот постой!

И он целыми днями вертелся среди голых веток на верхушках старых ив-раkit: высматривал с вышки таинственного врага. Но так ничего и не заметил подозрительного.

И вот вдруг – в последний день месяца – стала река. Лёд разом покрыл её и больше уж не растаял. Утки улетели ещё ночью.

Тут Зиньке удалось, наконец, уговорить Зинзивера покинуть речку: ведь теперь враг мог легко перейти к ним по льду. И всё равно Зиньке надо было в город: узнать у Старого Воробья, как называется новый месяц.

ДЕКАБРЬ

Полетели синички в город. И никто, даже Старый Воробей, не мог им объяснить, кто этот невидимый страшный разбойник, от которого нет спасенья ни днём, ни ночью, ни большим, ни маленьким.

– Но успокойтесь, – сказал Старый Воробей. – Здесь, в городе, никакой невидимка не страшен: если даже он посмеет явиться сюда, люди сейчас же застрелят его. Оставайтесь жить с нами в городе.

Вот уже начался месяц декабрь – хвостик года. Пришла зима. И в поле, и на речке, и в лесу теперь голодно и

страшно. А у людей всегда найдётся для нас, малых пташек, и приют и еда.

Конечно, Зинька с радостью согласилась поселиться в городе и уговорила Зинзивера. Сперва он, правда, не соглашался, хорохорился, кричал:

– Пинь-пинь-черр! Никого не боюсь! Разыщу невидимку!

Но Зинька ему сказала:

– Не в этом дело, а вот в чём: скоро будет Новый год. Солнышко опять начнёт выглядывать, все будут радоваться ему. А спеть ему первую весеннюю песенку тут, в городе, никто не сможет: воробьи умеют только чирикать, вороны только каркают, а галки – галдят. В прошлом году первую весеннюю песенку солнцу спела тут я. А теперь её должен спеть ты.

Зинзивер как крикнет:

– Пинь-пинь-черр! Ты права. Это я могу. Голос у меня сильный, звонкий – на весь город хватит. Остаёмся тут!

Стали они искать себе помещение. Но это оказалось очень трудно.

В городе не то что в лесу: тут и зимой все дупла, скворешни, гнёзда, даже щели за окнами и под крышами заняты. В том воробьином гнёздышке за оконницей, где встретила ёлку Зинька и в прошлом году, теперь жило целое семейство молодых воробьёв. Но и тут Зиньке помог Старый Воробей. Он сказал ей:

– Слетайте-ка вон в тот домик, вон – с красной крышей и садиком. Там я видел девочку, которая всё что-то ковыряла долотом в полене. Уж не готовит ли она вам – синичкам – хорошенькую дуплянку?

Зинька и Зинзивер сейчас же полетели к домику с красной крышей. И кого же они первым делом увидели в саду, на дереве? Того страшного бородатого охотника, который чуть насмерть не застрелил Зинзивера.

Охотник одной рукой прижимал дуплянку к дереву, а в

другой держал молоток и гвозди. Он наклонился вниз и крикнул:

– Так, что ли?

И снизу, с земли, ему ответила тоненьким голоском Маня:

– Так, хорошо!

И бородатый охотник большими гвоздями крепко прибил дуплянку к стволу, а потом слез с дерева.

Зинька и Зинзивер сейчас же заглянули в дуплянку и решили, что лучшей квартиры они никогда и не видели: Манюня выдолбила в полене уютное глубокое дуплишко и даже положила в него мягкого, тёплого пера, пуха и шерсти.

Месяц пролетел незаметно, никто не беспокоил тут синичек, а Манюня каждое утро приносила им еду на столик, нарочно приделанный к ветке.

А под самый Новый год случилось ещё одно – последнее в этом году – важное событие: Манюнин отец, который иногда уезжал за город на охоту, привёз невиданную птицу, посмотреть на которую сбежались все соседи.

Это была большущая белоснежная сова, – до того белоснежная, что, когда охотник бросил её на снег, сову только с большим трудом можно было разглядеть.

– Это злая зимняя гостя у нас, – объяснял отец Манюне и соседям, – полярная сова. Она одинаково хорошо видит и днём и ночью, и от её когтей нет спасенья ни мыши, ни куропатке, ни зайцу на земле, ни белке на дереве. Летаёт она совсем бесшумно, а как её трудно заметить, когда кругом снег, сами видите.

Конечно, ни Зинька, ни Зинзивер ни слова не поняли из объяснения бородатого охотника. Но оба они отлично поняли, кого убил охотник. И Зинзивер так громко крикнул «Пинь-пинь-черр! Невидимка!» – что сейчас же со всех крыш и дворов слетелись все городские воробьи, вороны, галки – посмотреть на чудовище.

А вечером у Манюни была ёлка, дети кричали и топали, но синички нисколько на них за это не сердились. Теперь они знали, что с ёлкой, украшенной огнями, снегом и игрушками, приходит Новый год, а с Новым годом возвращается к нам солнце и приносит много новых радостей.

СКАЗКИ-НЕСКАЗКИ

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ДЕД МОРОЗ

Злой голой осенью вот уж плохо стало жить лесному зверю! Плачет Заяц в кустах:

– Холодно мне, Заиньке, страшно мне, беленькому! Все кусты облетели, вся трава полегла, – негде мне от злых глаз схорониться. Надел шубку беленькую, а земля черным-черна, – всяк меня видит издалека, всяк меня гонит-ловит. Пропала моя головушка!

Косач-Тетерев с берёзы бормочет:

– Боюсь понизу бродить, боюсь ягоду клевать. На верховище сижу, кругом гляжу, одни серёжки клюю. Ветром меня на ветках качает, дождём меня мочит, – сидеть нет мочи!

Медведь ворчит:

– Вовсе в лесу есть нечего стало, – хоть к людям иди, коров дави; давно бы спать завалился, да земля гола, берлога кругом видна, – сейчас охотники найдут, сонного убьют.

Сговорились Заяц, Косач и Медведь – послали Синицу за Дедом Морозом.

– Приходи к нам, Дед Мороз, принеси нам, Дед Мороз, снега, принеси нам, Дед Мороз, зиму!

Дед Мороз покряхтел, пришёл – мешок снега на лес высыпал. Стало кругом бело да ровно.

Медведь сказал:

– Вот и ладно. Спасибо тебе, Дед Мороз!

Залез под кучу валежника. Кучу снегом запорошило – и не видать, что там берлога.

Заяц сказал с оговорочкой:

– Спасибо тебе, Дедушка Мороз! Теперь не видно меня, беленького. Хороша твоя пороша, да вот тёплая, печатная: снег-то мягкий, пушной. Следишки мои на нём видны. Где ни ляжешь отдохнуть – сейчас кто-нибудь найдёт.

А Косач – тот даже спасибо не сказал.

– Какая это, – бормочет, – зима, когда снегу – курице по колено, когда не прикрыл снег и лежачего полена! Зима наспех курам на смех. Ни снегу, ни мороза. Что ж мне, так всю зиму и болтаться на берёзе?

Пожалел его Дед Мороз – давай снег на лес большими мешками валить да примораживать, чтобы крупитчатый был.

Косач сказал:

– Вот это дело! – да бух с берёзы в снег. Там и ночевал: в норке-то тепло и не видно.

Заяц сказал:

– Дедка Мороз, а со мной-то ты что делаешь! Легко ли мне по эдакому снегу бегать! Глубоко. Ведь по уши в него проваливаюсь! А тропой пойдёшь – тут тебе и Лиса встречь, тут тебе и капканы наставлены. Ты меня, Заиньку, пожалей: сделай, чтобы сверху снег был корочкой.

А Медведь – тот ничего не сказал: спал.

Пожалел Дед Мороз Зайца. Стал днём снег растоплять

– побежали под валежник струечки. А ночью сырой-то снег сверху давай мостить-примораживать. Сделал наст – крепкую ледяную корку.

Заяц сказал:

– Вот тебе спасибо-то, Дедушка Мороз! Теперь всё ладно. По насту бегу, не проваливаюсь. Даже и следышек моих на нём не видать.

Косач сказал:

– Да ты что, Дед! Я с вечера в мокрый-то снег бухнусь, поглубже закопаюсь, – ан утром хоть голову себе разбей: ледяная крыша над головой!

А Медведь как выскочит из берлоги, как рявкнет:

– Эй ты, старик! Что снег топишь, струйки пускаешь! Все штаны мне подмочил!

Шарахнулся от него Дед Мороз.

– А ну вас! – говорит. – Привереды! Кому чего – на всех не угодишь. Я лучше восвояси уберусь.

И ушёл.

Ну, сказать, лесное зверьё не больно долго о нём плакало: взамен ему Синица живо Весну привела. А Весна – сами знаете – всем красна. И нам, и всему лесному зверью любя.

Всех утешила и всех развеселила.

А как она это сделала, о том другой сказ.

ЗАЯЦ, КОСАЧ, МЕДВЕДЬ И ВЕСНА

Прилетела красавица Весна на лебединых крыльях – и вот стало шумно в лесу! Снег рушится, бегут-журчат ручьи, льдинки в них позванивают, в ветвях ветер насвистывает. И птицы, птицы щебечут, поют-заливаются, ни днём, ни ночью покоя не знают!

А Дед Мороз недалеко ушёл – он всё слышит. «То ли дело, – думает, – при мне было. Тишина в лесу, только деревья покрхтывают. Поди, всем надоел весенний-то гам. Будут рады теперь, коли вернусь».

Пробрался ночью в лес, схоронился под тёмной елью.

Вот зорька занялась. И слышит Дед Мороз: бежит по лесу Заяц, притоптывает, в голос кричит.

«Плохо пришлось Заиньке, – думает Дед Мороз. – Снег-то, почитай, весь сошёл, земля серая, а он беленький – всяк его видит-ловит. Совсем ополоумел косой со страху».

Глядь – выскочил Заяц на тропочку. Только он уж не белый: серый Заяц.

За ним товарищи – такие же серые зайцы. Кричат, притоптывают, один через другого скачут.

Дед Мороз и рукава развёл:

– Что такое Весна делает! Заяц товарищей со всего леса созвал. Верещит. Чехарду затеял – совсем страх потерял!

Проскакали мимо весёлые зайцы.

Зорька ярче.

И видит Дед Мороз: сидит на лугу у опушки Косач-Тетерев, чёрный, как уголь.

«Вот кому беда пришла, – думает Дед Мороз. – Ведь он у меня под снегом ночевал. Теперь снегу нет, а лес ещё голый стоит. Негде Косачу спрятаться, покой найти – ни на земле, ни на дереве».

А Косач и не думает прятаться: к нему тетёрочки на опушку слетаются, а он-то перед ними красуется, звонким голосом бормочет:

– Чуф-ши! Чуф-ши! Красны брови хороши! Хвост-косицы подниму, круты крылья разверну!

К нему товарищи на луг слетаются. А он их задирает:

– Чуф-шу! Чуф-шу! Выходите на левшу! Я вам перья причешу!

Подпрыгнул, – сшиблись, – только пух летит!

«Что Весна делает-то! – Мороз думает. – Мирная птица в драчку полезла. О покое и забыла».

Разгорелся день – улетели тетерева с луга.

Идёт по лесу Медведь. Тощий.

«Каково-то тебе, косолапый? – думает Дед Мороз. – Небось плачешь по берлоге своей? Спал бы да спал в ней – и голода бы не знал».

А Медведь остановился, когтями из земли какие-то корешки выкопал – жуёт, похрюкивает от удовольствия: видать, сладкие на вкус корешки-то.

Дед Мороз пятернёй под шапку полез:

– Что ты скажешь – и этот Весне рад! Никто по мне не тужит... Пойти спросить у неё, чем она всех с ума свела?

Вылез из-под ели, пошёл по лесу Весну разыскивать.

А красавица Весна сама ему навстречу идёт вся в цветах разноцветных, вся в солнечном золоте. Говорит ему свирельным голосом:

– Что, старый? На пляски да песни наши пришёл поглядеть? Или напугать кого задумал?

– Напугаешь их!.. – кряхтит Дед Мороз. – Заяц – и тот нынче страх потерял. И что ты сделала им такое, что все тебя славят, с ума посходили?

Улыбнулась красавица Весна:

– А ты сам их спроси, чему они радуются.

Заиграла песню и с песней полетела над лесом, над лесом в зелёной дымке.

Отыскал Дед Мороз Зайца.

– Ты чему рад?

– Весне, Дедушка. Рад теплу, солнцу рад, травке шёлковой. Ведь всю зиму зелёного росточка не видел, все осинки ободрал, горьку кору глодал, А травка-то сладенька.

Отыскал Дед Мороз Косача:

– Ты чему рад?

– Рад я крылья поразмять, удаль-силу показать. Чуфши! Чуфши! Красны брови горячи, круты крылья хороши.

Отыскал Дед Мороз Медведя:

– А ты чему рад?

Медведь застыдился, лапой закрылся, шепчет:

– Цветочкам я, Дедушка, рад...

– Ох-ох, насмешил, ох, распотешил! Красным девушкам впору цветам радоваться, не тебе, косолапому. Веночки из них, что ли, плести будешь? Я тебе – хочешь? – мешок цветов накидаю, всю землю ими покрою. Все беленькие – один к одному.

И ну трясти рукавом. А из рукава у него снежинки, снежинки, снежинки, и закрутилась метелица хлопьями.

Медведь говорит:

– Нет, старик! Твои цветы мёртвые. Не пахнут они и глаз не радуют. А у Весны-красавицы каждый малый цветочек – радость светлая, каждый счастье сулит. Ты придёшь – зиму лютую с собой приведёшь. А Весна идёт – красно лето за собой ведёт. Каждый малый цветочек её мед в себе копит, каждый летом ягоду нам обещает.

Помолчал Медведь и опять лапой закрылся.

– А мы, – шепчет, – медведи-то, ба-аль-шие сладёны! Я зимой в берлоге сплю, снег да лёд надо мной, а сны мне всё про сладкое снятся: про мёд да про ягоды.

– Ну, – сказал Дед Мороз, – коли уж ты, лохматый, о сладком мечтаешь, так мне и впрямь у вас делать нечего. Рассердился и ушёл так далеко, что скоро Заяц, Косач да Медведь и совсем о нём забыли.

МАСТЕРА БЕЗ ТОПОРА

Загадали мне загадку: «Без рук, без топорёнка построена избёнка». Что такое?

Оказывается, птичье гнездо.

Поглядел я – верно! Вот сорочье гнездо: как из брёвен,

всё из сучьев сложено; пол глиной вымазан, соломкой устлан; посередине вход; крыша из веток. Чем не избёнка? А топора Сорока никогда и в лапках не держала.

Крепко тут пожалел я птицу: трудно, ох как трудно, поди, им, горемычным, свои жилища без рук, без топорёнка строить! Стал я думать: как тут быть, как их горю пособить?

Рук им не приделаешь.

А вот топор... Топорёнок для них достать можно.

Достал я топорёнок, побежал в сад.

Глядь, Козодой-Полуночник на земле между кочек сидит. Я к нему:

– Козодой, Козодой, трудно тебе гнёзда вить без рук, без топорёнка?

– А я и не вью гнезда! – говорит Козодой. – Глянь, где яйца высиживаю.

Вспорхнул Козодой, а под ним ямка между кочек. А в ямке два красивых мраморных яичка лежат.

«Ну, – думаю про себя, – этому ни рук, ни топорёнка не надо. Сумел и без них устроиться». Побежал дальше. Выбежал на речку. Глядь – там по веткам, по кусточкам Ремез-Синичка скачет, тоненьким своим носиком с ивы пух собирает.

– На что тебе пух, Ремез? – спрашиваю.

– Гнездо из него делаю, – говорит. – Гнездо у меня пуховое, мягкое, что твоя варешка.

«Ну, – думаю про себя, – этому топорёнок тоже ни к чему – пух собирать...»

Побежал дальше.

Прибежал к дому. Глядь – под коньком Ласточка-Касаточка хлопочет – гнёздышко лепит. Носиком глинку приминает, носиком её на речке колупает, носиком носит.

«Ну, – думаю, – и тут мой топорёнок ни при чём. И показывать его не стоит».

Побежал дальше.

Прибежал в рощу. Глядь – там на ёлке Певчего Дрозда гнездо. Загляденье, что за гнёздышко! Снаружи всё зелёным мхом украшено, внутри – как чашечка, гладкое.

– Ты как такое себе гнёздышко смастерил? – спрашиваю. – Чем его внутри так хорошо отделал?

– Лапками да носом мастерил, – отвечает Певчий Дрозд. – Внутри всё цементом обмазал – из древесной трухи со слюной со своей.

«Ну, – думаю, – опять я не туда попал. Надо таких искать птиц, что плотничают».

И слышу: тук-тук-тук-тук! тук-тук-тук-тук! – из лесу.

Я туда. А там Дятел.

Сидит на берёзе и плотничает, дупло себе делает – детей выводить.

Я к нему:

– Дятел, Дятел, стой носом тукать! Давно, поди, голова разболелась. Гляди, какой я тебе инструмент принёс: настоящий топорёнок!

Поглядел Дятел на топорёнок и говорит:

– Спасибо, только мне твой инструмент ни к чему. Мне и так плотничать ладно: лапками держусь, на хвост обопрусь, пополам согнусь, головой размахнусь – носом ка-ак стукну! Только щепки летят да труха!

Смутил меня Дятел: птицы-то, видно, все мастера без топора.

Тут увидел я гнездо Орла. Большущая куча толстых сучьев на самой высокой сосне в лесу.

«Вот, – думаю, – кому топор-то нужен: сучья рубить!»

Подбежал к той сосне, кричу:

– Орёл, Орёл! А я тебе топорёнок принёс!

Разнял Орёл крылья и клекочет:

– Вот спасибо, парнишка! Кинь свой топорёнок в кучу. Я сучков на него ещё навалю – прочная будет постройка, доброе гнездо.

КАК МУРАВЬИШКА ДОМОЙ СПЕШИЛ

Залез Муравей на берёзу. Долез до вершины, посмотрел вниз, а там, на земле, его родной муравейник чуть виден.

Муравьишка сел на листок и думает:

«Отдохну немножко – и вниз».

У муравьёв ведь строго: только солнышко на закат – все домой бегут. Сядет солнце – муравьи все ходы и выходы закроют – и спать. А кто опоздал, тот хоть на улице ночуй.

Солнце уже к лесу спускалось.

Муравей сидит на листке и думает:

«Ничего, поспею: вниз ведь скорей».

А листок был плохой: жёлтый, сухой. Дунул ветер и сорвал его с ветки.

Несётся листок через лес, через реку, через деревню.

Летит Муравьишка на листке, качается – чуть жив от страха.

Занёс ветер листок на луг за деревней да там и бросил. Листок упал на камень, Муравьишка себе ноги отшиб.

Лежит и думает:

«Пропала моя головушка. Не добраться мне теперь до дому. Место кругом ровное. Был бы здоров – сразу бы добежал, да вот беда: ноги болят. Обидно, хоть землю кусай».

Смотрит Муравей: рядом Гусеница-Землемер лежит. Червяк червяком, только спереди – ножки и сзади – ножки.

Муравьишка говорит Землемеру:

– Землемер, Землемер, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А кусаться не будешь?

– Кусаться не буду.

– Ну садись, подвезу.

Муравьишка вскарабкался на спину к Землемеру. Тот изогнулся дугой, задние ноги к передним приставил, хвост – к голове. Потом вдруг встал во весь рост да так и лёг на землю палкой. Отмерил на земле, сколько в нём росту, и опять в дугу скрючился. Так и пошёл, так и пошёл землю мерить.

Муравьишка то к земле летит, то к небу, то вниз головой, то вверх.

– Не могу больше! – кричит. – Стой! А то укушу!

Остановился Землемер, вытянулся по земле. Муравьишка слез, еле отдышался.

Огляделся, видит: луг впереди, на лугу трава скошенная лежит. А по лугу Паук-Сенокосец шагает: ноги как ходили, между ног голова качается.

– Паук, а Паук, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ну что ж, садись, подвезу.

Пришлось Муравьишке по паучьей ноге вверх лезть до коленки, а с коленки вниз спускаться Пауку на спину: коленки у Сенокосца торчат выше спины.

Начал Паук свои ходули переставлять – одна нога тут, другая там; все восемь ног, будто спицы, в глазах у Муравьишки замелькали. А идёт Паук не быстро, брюхом по земле чиркает. Надоела Муравьишке такая езда. Чуть было не укусил он Паука. Да тут, на счастье, вышли они на гладкую дорожку.

Остановился Паук.

– Слезай, – говорит. – Вот Жужелица бежит, она резвей меня.

Слез Муравьишка.

– Жужелка, Жужелка, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись, прокачу.

Только успел Муравьишка вскарабкаться Жужелице на спину, она как пустится бежать! Ноги у неё ровные, как у коня.

Бежит шестиногий конь, бежит, не трясёт, будто по воздуху летит.

Вмиг домчались до картофельного поля.

– А теперь слезай, – говорит Жужелица. – Не с моими ногами по картофельным грядкам прыгать. Другого коня бери.

Пришлось слезть.

Картофельная ботва для Муравьишки – лес густой. Тут и со здоровыми ногами – целый день бежать. А солнце уж низко.

Вдруг слышит Муравьишка: пищит кто-то:

– А ну, Муравей, полезай ко мне на спину, поскачем.

Обернулся Муравьишка – стоит рядом Жучок-Блошачок, чуть от земли видно.

– Да ты маленький! Тебе меня не поднять.

– А ты-то большой! Лезь, говорю.

Кое-как уместился Муравей на спине у Блошака. Только-только ножки поставил.

– Влез?

– Ну влез.

– А влез, так держись.

Блошачок подобрал под себя толстые задние ножки, – а они у него, как пружинки складные, – да – щёлк! – распрямил их. Глядь, уж он на грядке сидит. Щёлк! – на другой. Щёлк! – на третьей.

Так весь огород и отщёлкал до самого забора.

Муравьишка спрашивает:

– А через забор можешь?

– Через забор не могу: высок очень. Ты Кузнечика попроси: он может.

– Кузнечик, Кузнечик, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Садись на загривок.

Сел Муравьишка Кузнечику на загривок. Кузнечик сложил свои длинные задние ноги пополам, потом разом

выпрямил их и подскочил высоко в воздух, как Блошачок. Но тут с треском развернулись у него за спиной крылья, перенесли Кузнечика через забор и тихонько опустили на землю.

– Стоп! – сказал Кузнечик. – Приехали.

Муравьишка глядит вперёд, а там река: год по ней плыви – не переплывёшь.

А солнце ещё ниже.

Кузнечик говорит:

– Через реку и мне не перескочить. Очень уж широкая. Стой-ка, я Водомерку кликну: будет тебе перевозчик.

Затрещал по-своему, глядь – бежит по воде лодочка на ножках.

Подбежала. Нет, не лодочка, а Водомерка-Клоп.

– Водомер, Водомер, снеси меня домой! У меня ножки болят.

– Ладно, садись, перевезу.

Сел Муравьишка. Водомер подпрыгнул и зашагал по воде, как посуху. А солнце уж совсем низко.

– Миленький, шибче! – просит Муравьишка. – Меня домой не пустят.

– Можно и пошибче. – говорит Водомер.

Да как припустит! Оттолкнётся, оттолкнётся ножками и катит-скользит по воде, как по льду. Живо на том берегу очутился.

– А по земле не можешь? – спрашивает Муравьишка.

– По земле мне трудно, ноги не скользят. Да и гляди-ка: впереди-то лес. Ищи себе другого коня.

Посмотрел Муравьишка вперёд и видит: стоит над рекой лес высокий, до самого неба. И солнце за ним уже скрылось. Нет, не попасть Муравьишке домой!

– Гляди, – говорит Водомер, – вот тебе и конь ползёт.

Видит Муравьишка: ползёт мимо Майский Хрущ – тяжёлый жук, неуклюжий жук. Разве на таком коне далеко ускачешь? Всё-таки послушался Водомера.

– Хрущ, Хрущ, снеси меня домой. У меня ножки болят.

– А ты где живёшь?

– В муравейнике за лесом.

– Далеконько... Ну что с тобой делать? Садись, довезу.

Полез Муравьишка по жёсткому жучьему боку.

– Сел, что ли?

– Сел.

– А куда сел?

– На спину.

– Эх, глупый! Полезай на голову.

Влез Муравьишка Жуку на голову.

И хорошо, что не остался на спине: разломил Жук спину надвое, два жёстких крыла приподнял. Крылья у Жука точно два перевёрнутых корыта, а из-под них другие крылышки лезут, разворачиваются: тоненькие, прозрачные, шире и длиннее верхних.

Стал Жук пыхтеть, надуваться: «Уф, уф, уф!» Будто мотор заводит.

– Дяденька, – просит Муравьишка, – поскорей! Миленький, поживей!

Не отвечает Жук, только пыхтит:

«Уф, уф, уф!»

Вдруг затрепетали тонкие крылышки, заработали. «Жжж! Тук-тук-тук!..» – поднялся Хрущ на воздух. Как пробку, выкинуло его ветром вверх – выше леса.

Муравьишка сверху видит: солнышко уже краем землю зацепило.

Как помчал Хрущ – у Муравьишки даже дух захватило.

«Жжж! Тук-тук-тук!» – несётся Жук, буравит воздух, как пуля.

Мелькнул под ним лес – и пропал.

А вот и берёза знакомая, и муравейник под ней.

Над самой вершиной берёзы выключил Жук мотор и – шлёп! – сел на сук.

– Дяденька, миленький! – взмолился Муравьишка. – А

вниз-то мне как? У меня ведь ножки болят, я себе шею сломаю.

Сложил Жук тонкие крылышки вдоль спины. Сверху жёсткими корытцами прикрыл. Кончики тонких крыльев аккуратно под корытца убрал.

Подумал и говорит:

– А уж как тебе вниз спуститься – не знаю. Я на муравейник не полечу: уж очень больно вы, муравьи, кусаетесь. Добирайся сам, как знаешь.

Глянул Муравьишка вниз, а там под самой берёзой его дом родной.

Глянул на солнышко: солнышко уже по пояс в землю ушло.

Глянул вокруг себя: сучья да листья, листья да сучья.

Не попасть Муравьишке домой, хоть вниз головой бросайся!

Вдруг видит: рядом на листке Гусеница-Листовёртка сидит, шёлковую нитку из себя тянет, тянет и на сучок мотает.

– Гусеница, Гусеница, спусти меня домой! Последняя мне минуточка осталась – не пустят меня домой ночевать.

– Отстань! Видишь, дело делаю: пряжу пряду.

– Все меня жалели, никто не гнал, ты первая!

Не удержался Муравьишка, кинулся на неё да как куснёт!

С перепугу Гусеница лапки поджала да кувырк с листа – и полетела вниз.

А Муравьишка на ней висит – крепко вцепился. Только недолго они падали: что-то их сверху – дёрг!

И закачались они оба на шёлковой ниточке: ниточка-то на сучок была намотана.

Качается Муравьишка на Листовёртке, как на качелях. А ниточка всё длинней, длинней, длинней делается: выматывается у Листовёртки из брюшка, тянется, не рвётся. Муравьишка с Листовёрткой всё ниже, ниже, ниже опускаются.

А внизу, в муравейнике, муравьи хлопчут, спешат, входы-выходы закрывают.

Все закрыли – один, последний, вход остался. Муравьишка с Гусеницы кувырк – и домой!

Тут и солнышко зашло.

КРАСНАЯ ГОРКА

Чик был молодой красноголовый воробей. Когда ему исполнился год от рождения, он женился на Чирике и решил зажить своим домком.

– Чик, – сказала Чирика на воробьином языке, – Чик, а где же мы устроим себе гнездо? Ведь все дупла в нашем саду уже заняты.

– Эка штука! – ответил Чик – тоже, конечно, поворобьиному. – Ну, выгоним соседей из дому и займём их дупло.

Он очень любил драться и обрадовался такому удобному случаю показать Чирике свою удаль. И раньше чем робкая Чирика успела его остановить, он сорвался с ветки и помчался к большой рябине с дуплом. Там жил его сосед – такой же молодой воробей, как Чик.

Хозяина около дома не было.

«Заберусь в дупло, – решил Чик, – а когда прилетит хозяин, буду кричать, что он хочет отбить у меня дом. Слетятся старики – и вот зададим соседу!»

Он и забыл совсем, что сосед женат и жена его уже пятый день мастерит гнездо в дупле.

Только Чик просунул в дырку голову – рраз! – кто-то больно щёлкнул его по носу. Пискнул Чик и отскочил от дупла. А сзади уже мчался на него сосед. С криком сшиблись они в воздухе, упали на землю, сцепились и покатались в канаву.

Чик дрался на славу, и соседу его приходилось уже плохо. Но на шум драки со всего сада слетелись старики-воробьи.

Они сейчас же разобрали, кто прав, кто виноват, и задали Чику такую встрёпку, что он не помнил, как и вырвался от них.

В себя пришёл Чик в каких-то кустах, где прежде ему никогда не случалось бывать. Все косточки у него ныли. Рядом с ним сидела перепуганная Чирика.

– Чик! – сказала она так грустно, что он, верно бы, заплакался, если б только воробьи умели плакать. – Чик, мы теперь никогда больше не вернёмся в родной сад! Где мы выведем теперь детей?

Чик и сам понимал, что ему нельзя больше попадаться на глаза старикам-воробьям: они забьют его насмерть. Всё-таки он не хотел показаться Чирике, что трусит. Поправил клювом свои растрёпанные пёрышки, немножко отдышался и сказал беспечно:

– Эка штука! Найдём себе другое место, ещё получше.

И они отправились куда глаза глядят – искать себе новое место для житья.

Только вылетели они из кустов, как очутились на берегу весёлой голубой речки. За рекой поднималась высокая-высокая гора из красной глины и песка. Под самой вершиной обрыва виднелось множество дырок и норок.

У больших дырок сидели парочками галки и рыжие соколки-пустельги, из маленьких норок то и дело вылетали быстрые ласточки-береговушки. Целая стая их лёгкой тучкой носилась над обрывом.

– Смотри, как у них весело! – сказала Чирика. – Давай и мы устроим себе гнездо на Красной горке.

Чик с опаской поглядел на соколов и галок. Он думал: «Хорошо береговушкам: они сами копают себе норки в песке. А мне чужое гнездо отбивать?» И снова у него за-
ныли сразу все косточки.

– Нет, – сказал он, – тут мне не нравится: такой шум, прямо оглохнуть можно.

И они полетели дальше.

Дальше была роща, а за рощей – домик с дощатым сараем.

Чик и Чирика опустились на крышу сарая. Чик сразу заметил, что тут нет ни воробьёв, ни ласточек.

– Вот где житьё-то! – радостно сказал он Чирике. – Гляди, сколько разбросано по двору зерна и крошек. Мы будем тут одни и никого к себе не пустим.

– Чш! – шикнула Чирика. – Смотри, какое страшилище там, на крыльце.

И правда, на крыльце спал толстый Рыжий Кот.

– Эка штука? – храбро сказал Чик. – Что он нам сделает? Гляди, вот как я его сейчас!..

Он слетел с крыши и так стремительно понёсся на Кота, что Чирика даже вскрикнула.

Но Чик ловко подхватил у Кота из-под носа хлебную крошку и – раз-раз! – опять уже был на крыше.

Кот даже не шевельнулся, только приоткрыл один глаз и зорко поглядел на забияку.

– Видела? – хвастал Чик. – А ты боишься!

Чирика не стала с ним спорить, и оба принялись искать удобное место для гнезда.

Выбрали широкую щель под крышей сарая. Сюда принялись они таскать сначала солому, потом конский волос, пух и перья.

Не прошло и недели, как Чирика положила в гнездо первое яичко – маленькое, всё в розовато-бурых пестринках. Чик был так рад ему, что сложил даже песенку в честь своей жены и себя самого:

Чирик, чик-чик,
Чирик, чик-чик,
Чики-чики-чики-чики,
Чики, чик, чирик!

Песенка эта решительно ничего не значила, зато её так удобно было распевать, прыгая по забору.

Когда в гнезде стало шесть яичек, Чирика села их высиживать.

Чик полетел собирать для неё червячков и мух, потому что теперь её надо было кормить нежной пищей. Он замешкался немного, и Чирике захотелось поглядеть, где он.

Только она высунула нос из щели, как с крыши протянулась за ней рыжая лапа с растопыренными когтями. Рванулась Чирика – и целый пучок перьев оставила в когтях у Кота. Ещё чуть-чуть – и была бы её песенка спета.

Кот проводил её глазами, запустил в щель лапу и выволок разом всё гнездо – целый ком соломы, перьев и пуха. Напрасно кричала Чирика, напрасно подоспевший Чик смело кидался на Кота – никто не пришёл им на помощь. Рыжий разбойник преспокойно съел все шесть их драгоценных яичек. Ветер поднял пустое лёгкое гнездо и скинул его с крыши на землю.

В тот же день воробьи навсегда покинули сарай и переселились в рощу, подальше от Рыжего Кота.

В роще им скоро посчастливилось найти свободное дупло. Они снова принялись таскать солому и целую неделю трудились, строили гнездо.

В соседях у них жили толстоклювый Зяблик с Зяблихой, пёстрый Мухолов с Мухоловкой и франтоватый Щегол со Щеглихой. У каждой пары был свой дом, пищи хватало всем, но Чик успел уже подраться с соседями – просто так, чтобы показать им, какой он храбрый и сильный.

Только Зяблик оказался посильней его и хорошо потрепал забияку. Тогда Чик стал осторожней. Он уже не лез в драку, а только топорщил перья и задиристо чирикал, когда мимо пролетал кто-нибудь из соседей. За это соседи на него не сердились: они и сами любили похвастать перед другими своей силой и удачью.

Жили спокойно, пока вдруг не стряслась беда.

Первый поднял тревогу Зяблик. Он жил дальше других от воробьёв, но Чик услышал его громкое, тревожное: рюм-пиньк-пиньк! рюм-пиньк-пиньк!

– Скорей, скорей! – крикнул Чик Чирике. – Слышишь: Зяблик запинькал – опасность!

И правда: кто-то страшный к ним приближался. После Зяблика закричал Щегол, а там и Пёстрый Мухолов. Мухолов жил всего за четыре дерева от воробьёв. Если уж он увидел врага, значит, враг был совсем близко.

Чирика вылетела из дупла и села на ветку рядом с Чиком. Соседи предупредили их об опасности, и они готовились встретиться её лицом к лицу.

В кустах мелькнула пушистая рыжая шерсть, и лютый враг их – Кот – вышел на открытое место. Он видел, что соседи уже выдали его воробьям и ему теперь не поймать Чирику в гнезде. Он злился.

Вдруг кончик его хвоста зашевелился в траве, глаза прищурились: Кот увидел дупло. Что же, ведь и полдюжины воробьиных яиц – неплохой завтрак! И Кот облизнулся. Он вскарабкался на дерево и запустил в дупло лапу.

Чик и Чирика подняли крик на всю рощу. Но и тут никто не пришёл к ним на помощь. Соседи сидели по своим местам и громко кричали от страха. Каждая пара боялась за свой дом.

Кот зацепил когтями гнездо и вытащил его из дупла.

Но в этот раз он пришёл слишком рано: яиц в гнезде не оказалось, сколько он ни искал.

Тогда он кинул гнездо и сам спустился на землю. Воробьи провожали его криком.

У самых кустов Кот остановился и обернулся к ним с таким видом, точно хотел сказать:

«Погодите, миленькие, погодите! Никуда вы от меня не денетесь! Устраивайте себе новое гнездо, где хотите, выводите птенцов, а я приду и слопаю их, да и вас заодно».

И он так грозно фыркнул, что Чирика вздрогнула от страха.

Кот ушёл, а Чик с Чирикой остались горевать у разорённого гнезда.

Наконец Чирика сказала:

– Чик, ведь через несколько дней у меня непременно будет новое яичко. Летим скорей, найдём себе местечко где-нибудь за рекой. Там уж Кот не достанет нас.

Она и не знала, что через реку есть мост и что Кот частенько хаживает по этому мосту. Чик этого тоже не знал.

– Летим, – согласился он.

И они полетели. Скоро очутились они под самой Красной горкой.

– К нам, к нам летите! – кричали им береговушки на своём, на ласточкином, языке. – У нас на Красной горке житьё дружное, весёлое.

– Да, – крикнул им Чик, – а сами драться будете!

– Зачем нам драться? – отвечали береговушки. – У нас над рекой мошек на всех хватает, у нас на Красной горке пустых норок много – выбирай любую.

– А пустельги? А галки? – не унимался Чик.

– Пустельги ловят себе в полях кузнечиков и мышей. Нас они не трогают. Мы все в дружбе.

И Чирика сказала:

– Летали мы с тобой, Чик, летали, а краше этого места не видели. Давай тут жить.

– Что ж, – сдался Чик, – раз норки у них есть свободные и драться никто не будет, можно попробовать.

Подлетели они к горе, и верно: ни пустельги их не тронули, ни галки.

Стали норку себе по вкусу выбирать: чтобы и не очень глубокая была, и вход пошире. Нашлись такие две рядом.

В одной они гнездо выстроили, и Чирика высиживать села, в другой Чик ночевал.

У береговушек, у галок, у соколов – у всех давно уже вывелись птенцы. Одна Чирика терпеливо сидела в тёмной своей норке. Чик с утра до ночи таскал ей туда еду.

Прошло две недели. Рыжий Кот не показывался. Воробьи уж и забыли о нём.

Чик с нетерпением ждал птенцов. Каждый раз, как притаскивал он Чирике червяка или муху, он спрашивал её:

– Тукают?

– Нет ещё, не тукают.

– А скоро будут?

– Скоро, скоро, – терпеливо отвечала Чирика.

Однажды утром Чирика позвала его из норки:

– Лети скорей: один тукнул!

Чик сейчас же примчался в гнездо. Тут он услышал,

как в одном яйце птенчик чуть слышно тукал в скорлупу слабым клювиком. Чирика осторожно помогла ему: надломил скорлупку в разных местах.

Прошло несколько минут, и птенчик показался из яйца – крошечный, голый, слепой. На тоненькой-тоненькой шейке моталась большая голая голова.

– Да какой он смешной! – удивился Чик.

– Совсем не смешной! – обиделась Чирика. – Очень хорошенький птенчик. А тебе нечего тут делать, бери вот скорлупки да закинь их куда-нибудь подальше от гнезда.

Пока Чик относил скорлупки, выклевался второй птенчик и начал постукивать третий.

Вот тут-то и началась тревога на Красной горке.

Из своей норки воробьи услышали, как пронзительно вдруг закричали ласточки.

Чик выскочил наружу и сейчас же вернулся с известием, что Рыжий Кот карабкается по обрыву.

– Он видел меня! – кричал Чик. – Он сейчас будет здесь и вытащит нас вместе с птенцами. Скорей, скорей летим прочь отсюда!

– Нет, – грустно ответила Чирика. – Никуда я не полечу от маленьких моих птенчиков. Пусть будет, что будет.

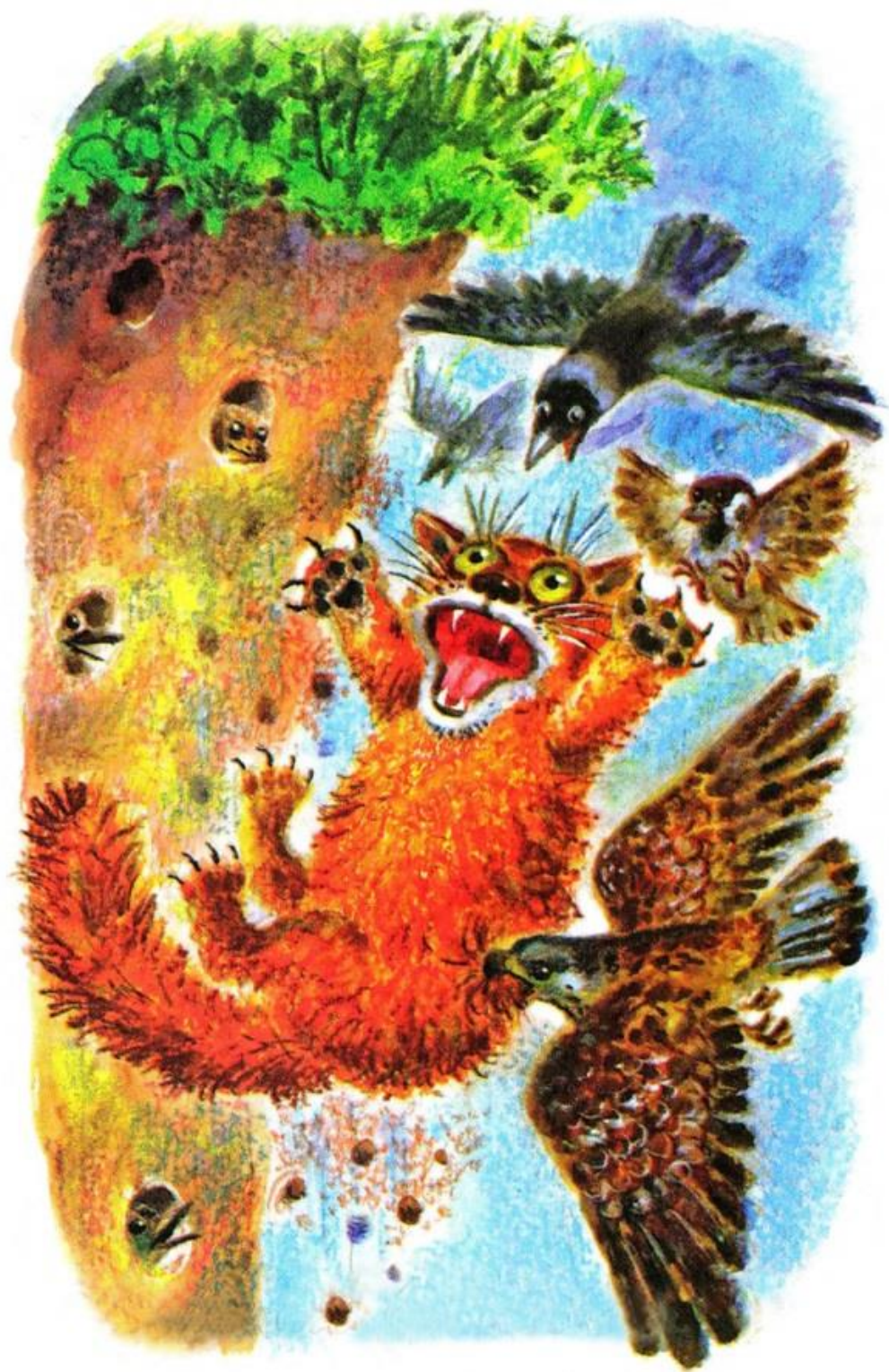
И сколько ни звал Чик, она и с места не тронулась.

Тогда Чик вылетел из норки и стал, как сумасшедший, кидаться на Кота. А Кот лез и лез по обрыву. Тучей вились над ним ласточки, с криком летели на выручку к ним галки и пустельги.

Кот быстро вскарабкался наверх и уцепился лапой за край норки. Теперь ему оставалось только просунуть другую лапу за гнездом и вытащить его вместе с Чирикой, птенцами и яйцами.

Но в эту минуту одна пустельга клюнула его в хвост, другая – в голову, и две галки ударили в спину.

Кот зашипел от боли, повернулся и хотел схватить птиц передними лапами. Но птицы увернулись, и он куба-

рем покотился вниз. Ему не за что было уцепиться: песок сыпался вместе с ним, и чем дальше, тем скорей, чем дальше, тем скорей...

Птицам стало уже не видно, где Кот: с обрыва несло только облако красной пыли. Плюх! – и облако остановилось над водой. Когда оно рассеялось, птицы увидели мокрую кошачью голову посередине реки, а сзади поспевал Чик и клевал Кота в затылок.

Кот переплыл реку и выбрался на берег. Чик и тут от него не отстал. Кот был так напуган, что не посмел схватить его, задрал мокрый хвост и галопом помчался домой.

С той поры ни разу не видели на Красной горке Рыжего Кота.

Чирика спокойно вывела шестерых птенцов, а немного погодя и ещё шестерых, и все они остались жить в свободных ласточкиных гнёздах.

А Чик перестал задирать соседей и крепко подружился с ласточками.

ХИТРЫЙ ЛИС И УМНАЯ УТОЧКА

Осень. Хитрый Лис думает:

«Утки в отлёт собрались. Дай-ка схожу на речку – утятинкой раздобудусь».

Подкрался из-за куста, видит: правда, целая стая уток у берега. Одна Уточка стоит под самым кустом, лапкой перья в крыле перебирает.

Лис хватить её за крыло!

Со всех силёнок рванулась Уточка. Оставила перья у Лиса в зубах.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Вырвалась как...»

Стая всполошилась, поднялась на крыло и улетела.

А эта Уточка осталась: крыло у неё сломано, перья вырваны.

Она спряталась в камышах, подальше от берега.
Ушёл Лис ни с чем.

* * *

Зима. Хитрый Лис думает:

«Замёрзло озеро. Теперь уточка моя, никуда от меня не денется: по снегу куда ни пойдёт, – наследит, – по следу её и найду».

Пришёл на речку, – верно: лапки с перепонками наследили на снегу у берега. А сама Уточка под тем же кустом сидит, распушилась вся.

Тут ключ из-под земли бьёт, не даёт льду намёрзнуть, – тёплая полынья, и пар от неё идёт.

Кинулся Лис на Уточку, а Уточка – нырк от него! – и ушла под лёд.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Утопилась ведь... »>

Ушёл ни с чем.

* * *

Весна. Хитрый Лис думает:

«Таёт лёд на речке. Пойду мёрзлой утятинкой полакомлюсь».

Пришёл, а Уточка плавает под кустом – жива, здоровёхонька!

Она тогда нырнула под лёд и выскочила в полынью – под другим берегом: там тоже ключ был. Так всю зиму и прожила.

«Ах ты!.. – Лис думает. – Стой же, сейчас за тобой в воду кинусь...»

– Зря, зря, зря! – закричала Уточка.

Порх с воды – и улетела. За зиму-то у неё крыло зажило и новые пёрышки отросли.

МАЛЕНЬКИЕ РАССКАЗЫ

МУЗЫКАНТ

Старый медвежатник сидел на завалинке и пиликал на скрипке. Он очень любил музыку и старался сам научиться играть. Плохо у него выходило, но старик и тем был доволен, что у него своя музыка. Мимо проходил знакомый колхозник и говорит старику:

– Брось-ка ты свою скрипку-то, берись за ружьё. Из ружья у тебя лучше выходит. Я сейчас медведя видел в лесу.

Старик отложил скрипку, расспросил колхозника, где он видел медведя. Взял ружьё и пошёл в лес. В лесу старик долго искал медведя, но не нашёл даже и следа его.

Устал старик и присел на пенёк отдохнуть.

Тихо-тихо было в лесу. Ни сучок нигде не треснет, ни птица голосу не подаст. Вдруг старик услышал: «Дзенн!..» Красивый такой звук, как струна пропела.

Немного погодя опять: «Дзенн!..»

Старик удивился:

«Кто же это в лесу на струне играет?»

А из лесу опять: «Дзенн!..» – да так звонко, ласково.

Старик встал с пенёка и осторожно пошёл туда, откуда слышался звук. Звук слышался с опушки.

Старик подкрался из-за ёлочки и видит: на опушке разбитое грозой дерево, из него торчат длинные щепки. А под деревом сидит медведь, схватил одну щепку лапой. Медведь потянул к себе щепку и отпустил её. Щепка выпрямилась, задрожала, и в воздухе раздалось: «Дзенн!..» – как струна пропела.

Медведь наклонил голову и слушает.

Старик тоже слушает: хорошо поёт щепка!

Замолк звук – медведь опять за своё: оттянул щепку и пустил.

Вечером знакомый колхозник ещё раз проходит мимо избы медвежатника. Старик опять сидел на завалинке со скрипкой. Он пальцем дёргал одну струну, и струна тихо-нечко пела: «Дзенн!» Колхозник спросил старика:

– Ну что, убил медведя?

– Нет, – ответил старик.

– Что ж так?

– Да как же в него стрелять, когда он такой же музыкант, как и я?

И старик рассказал колхознику, как медведь играл на расщеплённом грозой дереве.

ГОЛУБОЙ ЗВЕРЁК

В густом лесу на горе было темно, как под крышей. Но вот вышла луна из-за тучи, и сейчас же засверкали, заблестели снежинки на ветках, на елях, на соснах и засеребрился гладкий ствол старой осины. У вершины её чернела дыра – дупло.

Вот по снегу мягкими, неслышными прыжками подбежал к осине тёмный длинный зверёк. Остановился, понюхал, поднял кверху острую мордочку. Верхняя губа приподнялась – мелькнули острые, хищные зубы.

Это куница – гроза всех мелких лесных зверей. И вот она, чуть шурша когтями, бежит уже вверх по осине. Вверху из дупла высунулась усатая круглая головка. Через миг голубой зверёк уже бежал по суку, осыпая снег на ходу, и легко прыгнул на ветку соседней сосны.

Но как ни легко прыгнул голубой зверёк, ветка качнулась – куница заметила. Она согнулась в дугу, как натянутый лук, потом выпрямилась – и стрелой перелетела на качавшуюся ещё ветку. Куница понеслась вверх по сосне – догонять зверька.

Нет никого в лесу проворней куницы. От неё не уйти даже белке.

Голубой зверёк слышит погоню, ему некогда оглянуться: надо скорее, скорее спастись. С сосны он прыгнул на ель.

Напрасно зверёк хитрит, бежит по другой стороне ели, – куница скачет по пятам. Зверёк забежал на самый конец еловой лапы, а куница уже рядом – хватать зубами! Но зверёк успел спрыгнуть.

С дерева на дерево неслись голубой зверёк с куницей, как две птицы среди густых веток.

Прыгнет голубой зверёк, нагнётся ветка, а куница за ним – ни на миг не даёт передышки.

И вот уже не хватает у голубого зверька сил, уже слабеют лапки, вот прыгнул и не удержался – падает вниз. Нет, не упал, уцепился по дороге за нижнюю ветку – и вперёд, вперёд из последних сил.

А куница бежит уже поверху и высматривает с верхних ветвей, как удобнее броситься вниз и схватить.

И вот на миг голубой зверёк остановился: лес прервался пропастью. Куница тоже на всём скаку остановилась над зверьком. И вдруг кинулась вниз.

Прыжок её был точно рассчитан. Она всеми четырьмя лапами упала на то место, где остановился голубой зверёк, но он уже прыгнул прямо в воздух и полетел, – медленно, плавно полетел по воздуху над пропастью, как во сне. Но всё было наяву, при яркой луне.

Это была полетуха, летяга – летучая белка: у неё между передними и задними лапками натянулась свободная кожа, которая парашютиком держала её в воздухе.

Куница не прыгнула вслед: она не может летать, она упала бы в пропасть.

Летяга повернула хвост и, красиво закруглив полёт, спустилась на ёлку по ту сторону пропасти.

Куница щёлкнула зубами со злости и стала спускаться с дерева.

Голубой зверёк ускользнул.

ПОДКИДЫШ

Мальчишки разорили гнездо каменки, разбили её яички. Из разбитых скорлупок выпали голые, слепенькие птенчики.

Только одно из шести яичек мне удалось отобрать у мальчишек целым. Я решил спасти спрятанного в нём птенчика.

Но как это сделать?

Кто выведет его из яйца?

Кто вскормит?

Я знал неподалёку гнездо другой птички – пеночки-пересмешки. Она только что отложила своё четвёртое яичко.

Но примет ли пересмешка подкидыша? Яйцо каменки чисто голубое. Оно больше и совсем не похоже на яички пересмешки: те – розовые с чёрными точечками. И что будет с птенцом каменки? Ведь он вот-вот должен выйти из яйца, а маленькие пересмешки выклюнутся только ещё дней через двенадцать.

Станет ли пересмешка выкармливать подкидыша?

Гнездо пересмешки помещалось на берёзе так невысоко, что я мог достать его рукой.

Когда я подошёл к берёзе, пересмешка слетела с гнезда.

Она порхала по ветвям соседних деревьев и жалобно посвистывала, словно умоляла не трогать её гнезда.

Я положил голубое яичко к её малиновым, отошёл и спрятался за куст.

Пересмешка долго не возвращалась к гнезду. А когда, наконец, подлетела, не сразу уселась в него: видно было, что она с недоверием разглядывает чужое голубое яйцо.

Но всё-таки она села в гнездо. Значит, приняла чужое яйцо. Подкидыш стал приёмышем.

Но что будет завтра, когда маленькая каменка выключнется из яйца?

Когда утром на следующий день я подошёл к берёзе, с одной стороны гнезда торчал носик, с другой – хвост пересмешки.

Сидит!

Когда она слетела, я заглянул в гнездо. Там было четыре розовых яичка и рядом с ними – голый слепенький птенчик каменки.

Я спрятался и скоро увидел, как прилетела пересмешка с гусеничкой в клюве и сунула её в рот маленькой каменке.

Теперь я был уже почти уверен, что пересмешка выкормит моего подкидыша.

Прошло шесть дней. Я каждый день подходил к гнезду и каждый раз видел торчащие из гнезда клювик и хвост пересмешки.

Очень меня удивляло, как она поспевает и каменку кормить, и высиживать свои яйца.

Я скорей отходил прочь, чтоб не помешать ей в этом важном деле.

На седьмой день не торчали над гнездом ни клювик, ни хвост.

Я подумал: «Всё кончено! Пересмешка покинула гнездо. Маленькая каменка умерла с голоду».

Но нет, в гнезде лежала живая каменка! Она спала и

даже не тянула вверх головку, не разевала рта – значит, была сыта.

Она так выросла за эти дни, что покрывала своим тельцем чуть видные из-под неё розовые яички.

Тогда я догадался, что приёмыш отблагодарил свою новую мать: теплотой своего тельца он грел её яички – высиживал её птенцов.

Так оно и было.

Пересмешка кормила приёмыша, приёмыш высиживал её птенцов.

Он вырос и вылетел из гнезда у меня на глазах. И как раз к этому времени выклюнулись птенчики из розовых яичек.

Пересмешка принялась выкармливать своих родных птенцов и выкормила их на славу.

АРИШКА-ТРУСИШКА

Колхозницы Федоры дочурку всё Аришкой-Трусишкой звали. До того трусливая была девчонка – ну, просто ни шагу от матери! И в хозяйстве от неё никакой помощи.

– Слышь, Аришка, – скажет бывало мать, – возьми ведёрочко, натаскай из пруда воды в корыто: постираться надо.

Аришка уж губы надула:

– Да-а!.. В пруду – лягушки.

– Ну и пусть лягушки. Тебе что?

– А они прыгучие. Я их боюсь.

Натаскает Федора воды сама, бельё стирает.

– Поди, доченька, на чердаке бельё развесь – посушиться.

– Да-а!.. На чердаке – паук.

– Ну и пусть паук.

– Он ползучий. Я его боюсь.

Махнёт Федора рукой на дочь, сама на чердак полезет.
– А ты, Аришка, пока хоть в чулан сходи, молока крынку принеси.

– Да-а!.. А в чулане – мыши.

– А хоть бы и так!
Не съедят они тебя.

– Они хвостатые.
Я их боюсь.

Ну, что с такой трусишкой поделаешь?!

* * *

Раз летом убрали колхозники сено на дальнем покосе в большом лесу.

Аришка от матери ни на шаг, цепляется за юбку – работать не даёт.

Федора и придумала:

– Ты бы, девушка, в лес сходила по малину. Тут в лесу страсть сколько малины. Хоть лукошко набери.

Аришка – первая в колхозе сладёна. К ягодам липнет, как муха к сахару.

– Где, маменька, где тут малинка?

– Да вон на опушке. Идём, покажу.

Как увидала Аришка на кустах красные ягоды, так к ним и кинулась.

– Далеко-то в лес, слышь, не ходи, доченька, – наставляла Федора. – А напугаешься чего – меня кличь. Я тут рядом буду, никуда не уйду.

* * *

Славно поработалось в тот день Федоре: ни разу её из лесу Аришка не окликнула.

Пришло время полдничать. Только собралась Федора за дочуркой в лес, глядь – Аришка сама идёт. Все щёки у неё в малиновом соку и в руках – полное лукошко ягоды.

– Умница, доченька! – обрадовалась Федора. – И где же это ты столько много ягоды набрала?

– А там подальше, за ручьём, в большом малиннике.

– Ишь расхрабрилась, куда забрела! Говорила ведь я тебе: далеко в лес не заходи. Как там тебя звери не съели?

– Какие там звери! – смеётся Аришка. – Один медвежонок всего и был.

Тут уж Федоре пришёл черёд пугаться.

– Как... медвежонок? Какой такой медвежонок?..

– Да смешной такой, хорошенький. Мохнатый весь, носик чёрненький, а глазки зелёные-зелёные!

– Батюшки-светы! И ты не испугалась?

– И не подумала! Я ему: «Здравствуй, Мишук!» А он, бедненький, напугался – да на дерево от меня. Я ему кричу: «Слазь, Мишенька, слазь! Дай только поглажу!» А он выше да выше. Так и не слез ко мне. Поди, и сейчас на том дереве сидит, с перепугу-то.

У Федоры так сердце и оборвалось.

– А в кустах, доченька, никого там не заметила?

– Был кто-то, ходил, сучьями потрескивал да всё ворчал толстым голосом. Тоже, верно, малинку собирал. Уж я звала-звала: «Дяденька, пособи медвежонок поймать!» Да не вышел он ко мне.

– Дитя неразумное! – всплеснула руками Федора. – Да ведь это не иначе, как сама медведиха кругом ходила, своего медвежонок берегла! Да как только она тебя насмерть не разорвала!

А колхозники, как такое услышали, сейчас подхватили кто топор, кто вилы – да в лес!

В малиннике за ручьём и на самом деле нашли медведицу. Только она им не далась, ушла от них с другим своим медвежонок.

А того медвежонок, что на дерево залез, колхозники изловили и Аришке в подарок на ремешке привели.

Случилось это всё в прошлом году.

Теперь медвежонок с большого медведя вырос, а от Аришки ни на шаг, как бывало Аришка от матери. Сама Аришка – та всё ещё маленькая, только ещё в первый класс пошла, и над партой её чуть видно. Мишука своего нисколько не боится, хоть он вон какое страшилище вырос: лошади от него шарахаются и трактор на дыбы становится.

Нынче уж Федорину дочурку никто Аришкой-Трусишкой не зовёт, – все Аришей-с-Мишей величают. Она старательная такая стала, всем девчонкам в пример, матери помощница. И за водой на пруд, и в погреб, и на чердак ходит. Вот и пойми её, чего она раньше мышей-то боялась!

МОЙ ХИТРЫЙ СЫНИШКА

ЛУПЛЕННЫЙ БОЧОК

Думаете, все зайцы одинаковые, все трусы? Нет, зайцы тоже разные бывают. Спросите вот моего сынишку, какого мы раз поймали скандалиста.

Мы были на охоте в лесу. Втроём: сынишка, я и Джим. Джим – это собачка наша. Коротконожка, уши до земли, хвостик куцый. Замечательная охотничья собачка, хоть и старенькая: всякую дичь разыщет, на крыло поднимет, а подстреленную поймает, схватит и осторожно, не помяв ни пёрышка, подаст прямо в руки. Необыкновенно умный и добрый у нас Джим. С другими собаками не дерётся, никого никогда не кусает, всем знакомым людям при встрече хвостиком часто-часто машет и, знаете, как по-собачьи, приветливо улыбается.

На охоте мы были сухой осенью, – уже лист с деревьев падал, а дождей больших ещё не было. В это время охо-

титься в лесу всего трудней: высохший лист гремит под ногами, дичь тебя далеко слышит и видит сквозь поредевший кустарник и, не допустив, улетает.

Вдруг слышу – Джим залаял, залаял в кустах – и вдруг замолк.

«На кого это он?» – думаю. И приготовился стрелять.

Но оттуда, из кустов, никто не вылетел.

А сынишка уже там – и кричит мне из кустов:

– Папа, папа, беги скорей! Джим-то в плен взял!

Я – к ним. И вижу: Джим лежит в растяжку на земле, а передними лапами зайчонка прижал к листьям, держит его. Зайчонок верещит отчаянно, Джим хвостиком часто-часто виляет, а сынишка мой стоит над ними – и не знает, что ему делать.

Я подошёл, взял зайчонка у Джима. Держу зайчонка двумя пальцами за шиворот – он ещё пуще верещит, лапами от меня отбивается.

Сынишка говорит:

– Это он на тебя сердится. Кричит: «Как ты смеешь меня – такого маленького – обижать!»

И вправду похоже было, что зайчонок что-то эдакое кричал.

А Джим на задние лапы встал, передними мне в колени упёрся и лижет зайчонка: успокаивает его, – что, значит, не бойся, не таковские мы, ничего плохого тебе не сделаем.

Тут вдруг сынишка говорит:

– Смотри, папа, у него левый бочок лупленный.

Смотрю: на левом боку у зайчонка плешинка. Шерсть содрана, голая кожа – с пятак кружок.

– Эге! – говорю. – Да ведь это мне знакомый зайчишка! Он у дяди Серёжи сбежал. Полезай-ка, дружок, в карман.

Осторожно его под пузечко перехватил и сунул в свою охотничью куртку, в спинной карман. Такой у меня карман есть в куртке – во всю спину, а по бокам – пуговицы.

Очень удобно в нём стреляную дичь носить и всякую всячину, что, бывает, на охоте попадается.

Зайчонку там темно, тепло – он и притих.

И сразу мы домой пошли.

По дороге мне пришлось, конечно, всё подробно рассказать сынишке, откуда я этого зайчонка знаю и отчего у него бочок лупленный.

Дядя Серёжа – приятель мой, тоже охотник, живёт на краю деревни, у самого леса. Зайчонка он поймал недели три назад – совсем ещё крошкой – у себя в саду под кустом смородины. Этот зайчонок из листопадничков. У зайчих первые зайчата рождаются весной, когда ещё снег корочкой – наст. И называются они *настовичками*. А последние в году рождаются осенью, когда уже лист с деревьев начинает падать. Их охотники так и зовут – *листопадничками*.

Дядя Серёжа очень этому зайчонку обрадовался. Вот почему: у него, у дяди Серёжи, не так давно ошенилась дворовая собака по кличке Клеопарда. Щенят всех он ещё раньше знакомым своим обещал. А как их у матери отнимешь? И без того злющая Клеопарда – совсем с ума сойдёт, на всех начнёт кидаться. Дядя Серёжа и придумал зайчонка ей вместо щенят подложить, чтобы не скучала, не лютовала.

Так и сделал.

Щенята в ящике сидели. Он их оттуда взял, когда матери не было, а на их место зайчонка положил.

Клеопарда пришла – щенят нет, а сидит в ящике малая зверюшка и её собачьим запахом пахнет: в ящике-то всё с её запахом.

Она и не тронула зайчонка, своим признала. Утешилась им. Кости ему стала таскать, лучшие куски мяса. От такой пищи зайчонок живо бы ножки протянул, да дядя Серёжа кормил его молоком и капустой. Так и не научила Клеопарда своего приёмыша кости глодать и мясо есть – её собачью пищу. Зато научила своей собачьей храбрости.

Клеопарда была отличным сторожем и к хозяйскому дому никого не допускала – ни чужого человека, ни собак. С таким злобным видом вылетала им навстречу, что редкая собака не подожмёт хвоста и не пустится наутёк, не дожидаясь, пока эта серая злюка сшибёт с ног. Ростом она была с волчицу.

Зайчонок вырослел быстро. Зайчихи своих детей и двух недель не кормят. По-заячьему, двухнедельный зайчонок уже «большим» считается и должен сам себе разные вкусные травки разыскивать и прятаться от собак.

Этот зайчонок, хоть ещё махонький, живо из ящика выскочил и бегал по всему двору за своей названной матерью. И во всём ей, как обезьянка, подражал. Клеопарда с места – и он за ней. Она на собаку – и он тоже. Она куснёт – и он старается куснуть собаку. А зубы у него передние – видели зайцев? – длинные, острые, ветки перегрызают. Как куснёт – из собаки шерсть летит! Собаке не до него: только бы от Клеопарды отбиться. Он, зайчонок, и потерял всякий страх перед собаками. Как где увидит, так и несётся навстречу – кусаться. Храбрый волчонка стал. Соседские собаки все его боялись.

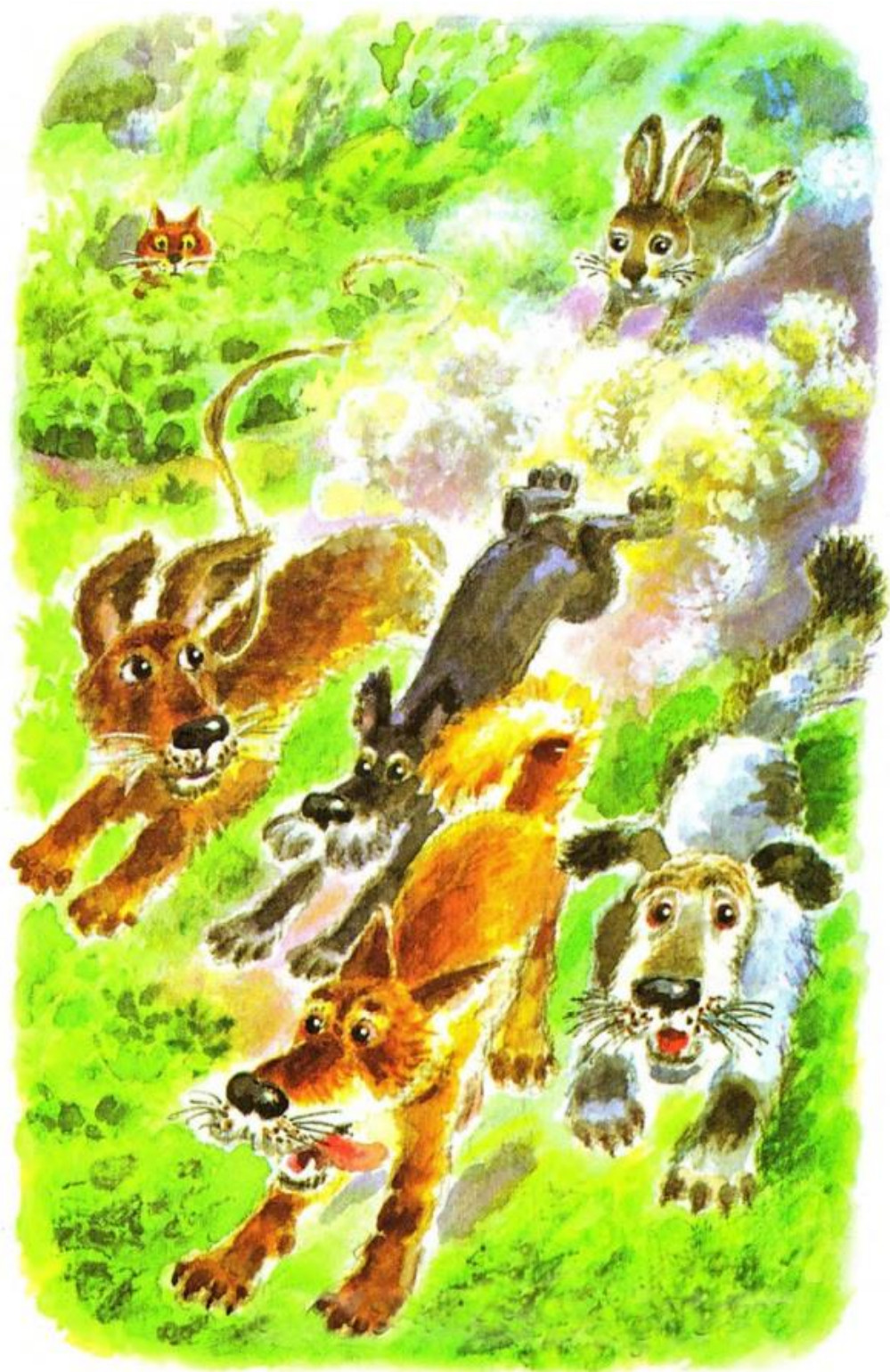
Да вот раз забрёл на двор к дяде Серёже какой-то дальний щенок, который ни Клеопарды не знал, ни храброго её сынишку.

Клеопарды тут не случилось поблизости, а зайчонок её, напившись молочка, спал на сене под ящиком.

Щенок подбежал к ящику – зайчишка! И кинулся на него.

Собака, конечно, не то что заяц. Если по-заячьему двухнедельный зайчонок уже «большим» считается, то у трёхнедельной собачонки ещё только глаза прорезаются. Она и в три месяца считается щенком.

Этому щенку месяца четыре уже стукнуло от роду, а он был ещё совсем глупый. Очень хотелось ему зайца поймать. А как за дело взяться толком, он не знал: не приходилось ему ещё на охоте бывать.

Он прыгнул на зайчонка и хватя его зубами за бочок! Надо бы за шиворот или ещё как, а он за бок.

Ну, конечно, шерсти клок выдрал порядочный, плешинку на боку сделал, а удержать не мог. Зайчонок как вскочит, как махнёт с перепугу через ящик – только его щенок и видел! А тут ещё Клеопарда прибежала, – пришлось щенку поскорей убираться со двора подобиру-поздорову.

Клеопарда своему зайчонку рану зализала. Известно ведь: собачий язык – лучше всякого лекарства, и раны залечивает превосходно.

Но зайчонок после этого случая жить на дворе у дяди Серёжи больше не захотел. Ночью пролез сквозь забор – и в лес.

Да вот трёх дней не прошло, Джим наш его в лесу и поймал.

Сынишка рассказ мой выслушал и губы надул, чуть не плачет.

– Ну, вот, – говорит. – Ты его, значит, дяде Серёже несёшь. А я думал, он у нас поживёт...

– Что ж, – говорю. – Сегодня-то уж, конечно, у нас переночует, а завтра сходим к дяде Серёже, попросим. Если ему не надо, может, и уступит нам.

Мы пришли домой, и я выпустил зайчонка на пол.

Он сразу в угол, под лавку, – и спрятался там.

Сынишка налил ему блюдечко молока, зовёт его:

– Лупленный Бочок, Лупленный Бочок, иди молочко пить. Сладкое!

Зайчонок не выходит.

Сынишка полез за ним под лавку, схватил его за шиворот, вытащил. Зайчонок верещит, задними лапами дрыгает.

– Глупенький, мы же люди, – объясняет ему сынишка, – мы тебя не обидим.

А зайчонок изловчился – и цоп его зубами за палец!

Так куснул, что даже кровь пошла. Сынишка вскрикнул, выпустил его. Зайчонок опять под лавку.

Тут наш котёнок – у нас ещё котёнок тогда был, ростом поменьше зайчонка, – подбежал к блюдечку и начал лакать из него молоко.

Лупленный Бочок как выскочит, как кинется на него, как куснёт!

Котёнок птицей от него на печку взвился!

Сынишка сквозь слёзы улыбается:

– Вот так заяц!

Мы поужинали, и Джим первый улёгся спать на своё место – у него свой матрасик в углу. Джим очень устал – ведь целый день по лесу бегал, дичь искал старичок.

Смотрим, Лупленный Бочок к нему ковыляет. Сел на задние лапы, а передними вдруг как забарабанит по Джиму! Джим вскочил и, ворча и оборачиваясь, ушёл под лавку: не драться же с маленьким, да всё-таки обидно свою постель такому уступать!..

А Лупленный Бочок преспокойно себе улёгся на его матрасике.

Переспали мы ночь. Утром встаём – Джим так и спит под лавкой на голом полу, а котёнок всё на печке сидит, слезть боится.

Я сынишку спрашиваю:

– Ну, что ж, пойдём к дяде Серёже зайчонка себе просить?

Сынишка посмотрел на котёнка, на Джима, на свой завязанный палец – и говорит:

– Знаешь что? Пойдём, лучше отнесём зайчонка дяде Серёже насовсем.

Так мы и сделали. Ну, как, в самом деле, такого скандалиста дома держать! Со всеми дерётся. Уж на что добряк Джим – и с ним не ужился. Отнесли мы зайчонка дяде Серёже, а он говорит:

– Мне тоже такого не надо. Тащите его, откуда взяли.

Пришлось в лес нести. Там выпустили.

Зайчонок прыг-прыг – из кусты. Даже «до свиданья» не сказал. Вот какие зайцы бывают!

СУМАСШЕДШАЯ ПТИЦА

Когда мне было десять лет, я прожил целую зиму в деревне. Я бегал по лесу, выслеживал птиц и узнавал разные интересные подробности их жизни. Это было моим любимым занятием, и я очень скучал, когда что-нибудь мешало моим прогулкам.

Но вот ударили февральские морозы. Поднялась сильная метель.

Отец долго не выпускал меня из дому. Время тянулось ужасно медленно.

Наконец через несколько дней я, проснувшись утром, увидел в окошко ясное голубое небо. Я сейчас же отпросился у отца, оделся и выскочил на двор.

На дворе было морозно, но тихо. Ярко светило солнце. Глазам было больно от блеска белого снега.

В лес нечего было и думать пробраться. Там намело такие сугробы рыхлого снега, что я на каждом шагу проваливался по пояс. Пришлось направиться вдоль по реке. С неё, наоборот, ветром смело почти весь снег, так что местами был виден голубоватый лёд.

Птиц не было нигде. Передо мной тянулась длинная белая полоса реки. Справа и слева на её крутых берегах молчаливо стоял засыпанный снегом лес. Даже писка синиц не было в нём слышно.

Я подумал: «Верно, птицы плохо чувствуют себя после такой долгой метели».

Скоро я увидел перед собой на снегу чёрное пятно. Оказалось, что это мёртвая ворона. Она лежала, уткнувшись головой в сугроб, распластав сбитые ветром крылья,

Я поднял её и осмотрел со всех сторон. Она уже окоченела. Нигде на всём теле её не было ни следа раны или ушиба.

Я понял, что ворону убил мороз.

Мне было очень жалко эту большую крепкую птицу, замёрзшую тут, посреди сугробов. Я утешал себя мыслью, что не все птицы погибли в эти дни. Наверно, мне удастся ещё сегодня поймать какую-нибудь полумёртвую птичку. Я снесу её домой, обогрею, накормлю и буду держать до весны.

Словно в ответ на мои мысли, невдалеке послышалось тихое щебетанье.

Я поднял глаза. Впереди была прорубь. По краю её, у самой воды, прыгала белогрудая птичка. Она дёргала коротким хвостом и заливалась на все лады самой весёлой песней.

«Вот сумасшедшая! – подумал я. – Как она может радоваться в такой мороз?»

Белогрудая птичка не обращала на меня никакого внимания. Мне захотелось ближе рассмотреть её. Но едва я сделал несколько шагов к ней, как птица с размаху бросилась в прорубь вниз головой.

Одно мгновение я ещё видел, как она быстро двигала крыльями, словно летела в воде. Потом она исчезла подо льдом.

Я так и остался стоять с выпученными глазами и с открытым ртом.

«Утопилась!» – мелькнула вдруг у меня страшная мысль. Я бросился к проруби. Мелкая вода текла здесь очень быстро. Утопленницы нигде не было видно.

Слёзы навернулись мне на глаза. Я прибежал домой, к отцу, с мёртвой вороной в руках и с удивительным рассказом про белогородную птицу-утопленницу.

Ворону отец велел мне выкинуть, а над моим рассказом долго смеялся. Я не понимал, что тут смешного, и очень сердился на отца.

– Дурачок! – сказал он. – Ведь это была оляпка. Она вовсе не утонула, а прыгает теперь снова по льду и радуется, что обманула тебя.

– Неправда! – горячился я. – Она сошла с ума и утопилась. Я сам видел, как её утянуло под лёд. Течение там такое быстрое...

– Ну, вот что, – остановил меня отец, – беги-ка опять на то место, где ты её видел. Она будет там. А если её там нет, значит, неподалёку от первой проруби есть вторая. Через неё оляпка и выскочила, нырнув от тебя под лёд.

Я опять побежал на реку. Отец мой любил и хорошо знал птиц. Если он говорит, что оляпка бросилась в прорубь нарочно, значит, есть ещё надежда, что моя белогородная птичка жива.

У проруби оляпки не было. Но дальше на реке я увидел вторую прорубь, пошёл к ней и вдруг заметил мою утопленницу на обрывистом берегу реки. Она была жива и здорова, бегала по снегу и распевала свою негромкую песенку, похожую на плеск и журчание ручья.

Я побежал к ней. Она слетела к проруби, закачалась на тонких ножках, словно кланялась мне, а когда я приблизился, бухнула в воду, точно лягушка в болото.

Стоя над прорубью, я видел, как она гребла под водой крыльями, как пловец руками. Потом она побежала по дну, цепляясь изогнутыми коготками за все его неровности. В одном месте она даже задержалась немножко, на моих глазах перевернула клювом камешек и вытащила из-под него водяного жука.

А через полминуты она уже выскочила из другой про-

руби. Я с трудом верил своим глазам. Мне всё хотелось ещё поближе рассмотреть её. Несколько раз подряд я заставлял её кидаться в воду.

Меня очень удивляло, что под водой она блестит, как серебряная рыбка. Я не знал ещё тогда, что перья оляпки смазаны тонким слоем жира. Когда птица погружается в воду, воздух пузырится на её жирных перьях и блестит.

Наконец ей надоело нырять. Она поднялась на воздух, полетела над рекой прямо, как по ниточке, и в одну минуту скрылась у меня из глаз.

* * *

Прошло почти два месяца со дня моей первой встречи с оляпкой. За это время я очень полюбил её. В хорошую погоду я отправлялся на реку следить за ней. Она всегда успевала юркнуть от меня в прорубь. И всегда при этом вид у неё был такой весёлый, словно мы играли в «кошки-мышки».

Вся деревня знала эту забавную маленькую птицу. Крестьяне звали её водяным воробьём.

* * *

В конце зимы снова затрещали морозы, ещё крепче февральских. В эти дни моя оляпка уже не пела больше.

Теперь мне приходилось долго разыскивать её, прежде чем я находил её где-нибудь под ледяным навесом берега. Тут она сидела нахохлившись. Вид у неё был грустный и недовольный.

Когда я подходил к ней, она молча снималась и улетала куда-то далеко, всегда в одну и ту же сторону.

И вот, наконец, настал день, когда она улетела с этого места: проруби замёрзли. Лёд мешал оляпке нырять в воду за жуками.

Я очень тревожился о своей белогрудой приятельнице. «Может быть, — думал я, — она лежит теперь где-

нибудь в снегу, как та ворона, что я нашёл на реке после метели».

Дома отец сказал мне:

– Скорее всего, твоя оляпка попала в когти какому-нибудь хищнику. А всего верней, она просто отправилась искать себе другое место на реке, где вода не замерзает даже в самые крутые морозы.

На следующее утро опять выглянуло солнце, и я отправился на розыски оляпки.

Миновав знакомые проруби, я взобрался на обрывистый берег и пошёл вдоль реки.

Скоро путь мне преградила маленькая речка. Она быстро неслась с горки и круто обрывалась с берега, по которому я шёл, в большую реку.

Это был настоящий водопад. Речка широкой струёй хлестала с обрыва и пенилась внизу, крутясь в бурном повороте. В этом месте на большой реке была широкая полынья.

Я никогда прежде не видал водопада. С восторгом и страхом смотрел я на бешеный поток, готовый смять под собой всякого, кто неосторожно к нему приблизится.

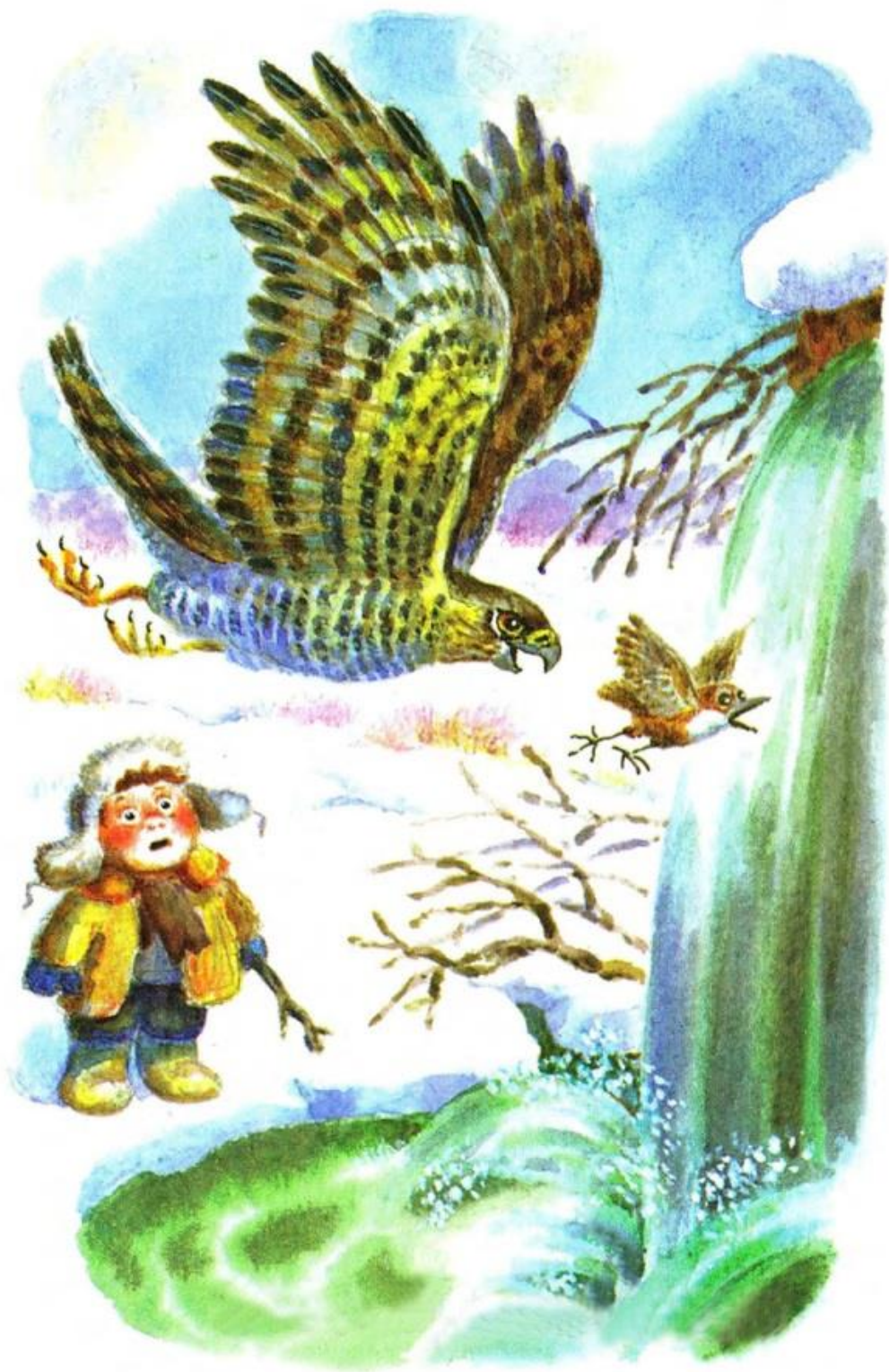
Вдруг я заметил двух птиц, летевших прямо к водопаду.

Впереди неслась, сверкая белой грудью, моя оляпка. Сзади быстро настигал её серый ястреб.

Не успел я опомниться, как сумасшедшая птичка исчезла в стремительной струе водопада.

Ястреб круто взмыл кверху перед падающей стеной воды, на одно мгновение повис в воздухе, повернулся и медленно полетел прочь. Добыча ускользнула из его когтей.

Ястреб не знал, что случилось с оляпкой. Но я видел, как она стремглав пронеслась сквозь стену водопада, сделала небольшой полукруг и как ни в чём не бывало уселась на камне под обрывом, с которого падала вода.

Сквозь шум водопада не было слышно её голоса. Но по её движениям я понял, что она поёт свою весёлую песенку.

Домой я возвращался с прогулки вприпрыжку. Теперь я был уверен, что моей смелой маленькой приятельнице не страшны ни когти ястреба, ни холод, ни голод зимы.

Да зиме уж недолго оставалось мучить птиц. День был по-весеннему тёплый. Солнце припекало, и вокруг меня с лёгким звоном рушился снег. Был уже конец марта. Скоро должны были кончиться морозы.

С такими весёлыми мыслями бежал я домой. У знакомой проруби мне вдруг пришло в голову: хорошо бы попробовать, очень ли холодна вода, в которой так любит купаться оляпка.

Недолго думая, я подбежал к проруби и сильно топнул ногой по тонкому льду.

Я хотел только сломать лёд, чтобы потом попробовать воду рукой. Но тонкий ледок, затянувший прорубь, уже подтаял. Он легко проломился под моим ударом. Я с размаху влетел в прорубь, сначала одной ногой, а потом, не удержав равновесия, и всем телом.

К счастью, воды в этом месте было мне всего по колено.

Как ошпаренный выскочил я на лёд и, стуча зубами от холода, сломя голову помчался домой. Вода, в которой так любила купаться оляпка, оказалась очень холодной.

В тот же день я слёг в постель в сильном жару. Я проболел целых два месяца. А когда выздоровел, мне ещё досталось от отца за то, что я искупался в проруби.

– Только сумасшедшие, – говорил отец, – нарочно лезут в воду зимой...

– А оляпка? – перебил я.

Отец рассмеялся и больше не стал бранить меня.

Серия «Школьная библиотека»
Бианки Виталий Валентинович
РАССКАЗЫ И СКАЗКИ
Для младшего школьного возраста

Художник
Назаров Эдуард Васильевич

Главный редактор А. Алир
Технический редактор М.В.Юдаева
Компьютерная вёрстка Д.А.Володин
Корректор С.П.Мосейчук
Ответственный за выпуск В.Н.Базиков
Санитарно-эпидемиологическое заключение
№ 77.99.60.953.Д.010007.08.09 от 25.08.2009
Подписано в печать 28.06.2010. Формат 60x90^{1/16}.

Бумага офсетная №1. Печать офсетная.
Усл. п. л. 7. Гарнитура «Школьная».
Тираж 20 000 экз. Заказ № 2933.

Издательство «Самовар»
125047, Москва, ул. Александра Невского, д.1.
Информация о книгах на сайте www.knigi.ru

Оптовая продажа: ООО «Атберг 98»
(495) 925-51-39 www.atberg.aha.ru

Интернет-магазин: (495) 687-27-19 www.books-land.ru

ОАО «Тверской ордена Трудового Красного Знамени
полиграфкомбинат детской литературы им. 50-летия СССР»
170040, Тверь, проспект 50 лет Октября, 46.

ISBN 978-5-9781-0345-8

© В.В.Бианки, наследники, текст.
© Э.В.Назаров, иллюстрации.
© Издательство «Самовар»,
составление, серийное оформление.

Серия рекомендована
Департаментом
общего среднего образования
Министерства
общего и профессионального образования
Российской Федерации

Художник
Эдгар Назаров